

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Культура реализации права и её роль
в гармонизации конструктивных интересов
субъектов юридических отношений

Анализ теоретико-методологических исследований

Издание Государственной Думы
Москва • 2015

УДК 340.1
ББК 67.0
К90

Автор-составитель:

первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы
по труду, социальной политике и делам ветеранов

А. В. Кузьмина

К90 **Культура реализации права и её роль в гармонизации конструктивных интересов субъектов юридических отношений.** Анализ теоретико-методологических исследований. – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – 80 с.

УДК 340.1
ББК 67.0

Содержание

Введение	4
Понятие права, теоретико-категориальный плюрализм	5
Субъекты юридических отношений и правовая культура	20
Культура реализации права	37
Заключение	78

Введение

В настоящее время для российского общества всё очевиднее становится вопрос социальной эффективности права, его конструктивно-созидательной миссии и роли в улучшении жизни населения, в модернизации общественных отношений.

Небывалая ранее интенсификация различных форм юридических отношений и действия, особенно действия не насильственно-принудительного, а внутренне мотивированного, заинтересованного характера, вовлечённость в юридическую практику абсолютного большинства правоспособного населения России и одновременно невысокий уровень результативности применения, использования правовых ресурсов и возможностей, неудовлетворённость реализацией нормативных правовых документов, сохранение правовой деструктивности обуславливают особую актуальность разработки теоретических основ культуры реализации права, соответствующего категориально-понятийного аппарата, её функций. Лишённая культурной составляющей юридическая практика порождает в современной России такой негативный потенциал проблем, противоречий, который ещё не в полной мере доступен массовому сознанию и осмыслен на теоретико-правовом уровне.

Во всех сферах юридической практики весьма актуальна и конструктивно значима её культурная составляющая.

Правовая культура – многозначная характеристика одной из важнейших сторон жизни общества. Правовая культура характеризует уровень правосознания, включает степень знания права, характеризуется она и интенсивностью убеждений в ценности права.

Культура реализации права отличается от иных феноменов культуры – культурности в правовом пространстве, в конкретных правовых системах тем, что является не мировоззренческим созерцанием правового бытия, нередко с весьма отдалённой от реальной правовой практики позиции, а особым окультуренным типом практической деятельности по применению самых разнообразных правовых феноменов, включая и реализацию правовых обязанностей, самостоятельно или с участием внешних правоприменительных посредников.

Культура реализации права оказывает непосредственное и опосредованное позитивное воздействие на правотворчество, на деятельность законодателей, на качество законодательных ресурсов. Культура реализации права оказывает весьма позитивное влияние на международный имидж России, способствует улучшению инвестиционного климата, существенно уменьшает потенциал злоупотребления правом. Диалектический синтез юридических интересов и культуры реализации права – тот пока ещё слабо исследованный и явно недостаточно используемый социоправовой капитал, который способен придавать моделям и механизмам современного российского правового бытия адекватную предметность, рациональность, эффективность и гуманистическую направленность. К сожалению, проблематика культуры применения права не получила своего развития и обоснования в качестве актуального понятия правосознания и юридической практики, не уделяется этой проблеме

должного внимания на страницах юридических журналов, в системе юридического образования, правового просвещения населения. Дело нередко ограничивается призывами повышать уровень правовой культуры. Тематическая направленность настоящей работы предопределена не только актуальностью современных проблем правовой культуры, но и стремлением раскрыть ценностную сущность права как образца культуры.

Понятие права, теоретико-категориальный плюрализм

Как отмечал Е. Н. Трубецкой, «пока мы не выясним себе, что такое право вообще, все наши суждения о тех или иных конкретных видах права будут страдать неясностью, отсутствием определённого суждения, относящегося к той или другой области юриспруденции, может возникнуть сомнение, представляет ли оно собой действительно суждение о праве или о чем-то другом, что не есть право»¹.

Ныне изданы даже не десятки, а сотни учебников и учебных пособий, в которых воспроизводятся авторские определения современного права.

Однако, как показывает преподавательская практика, даже студенты-юристы, обучающиеся по различным программам высшего юридического образования, лишь заучивают, запоминают одно из определений права из юридического словаря или из учебника, рекомендованного тем или иным конкретным преподавателем. Нередко, сдав текущий экзамен по теории государства и права, студент на государственном экзамене к концу обучения с трудом формулирует собственное понимание права, его сущностных свойств, не говоря уже о среднестатистическом гражданине.

Учитывая то обстоятельство, что в настоящей работе акцент сделан на проблематику воплощения правовой культуры в инициативное правовое поведение различных субъектов, представляется необходимым не только знакомство с различными точками зрения по поводу сущности права, но и их анализ и определение на этой основе устойчивого личного правовопонимания, которое должно служить надёжной теоретико-методологической, мировоззренческой основой в практической деятельности по реализации права.

Вероятно, первым шагом в определении категории «право», в формировании собственного понимания права как сущего и должного является знакомство с историей развития категории «право» в отечественном правоведении досоветского и советского периодов, анализ хотя бы нескольких положений, сформулированных «классиками» по теории государства и права, и их соответствующих пояснений.

В таблице 1 воспроизведены некоторые определения права, позволяющие более зримо представлять категориально-концептуальный плюрализм и актуальность авторского теоретико-мировоззренческого определения в этой познавательно-методологической сфере.

¹ Трубецкой Е. Н. Труды по философии права. СПб., 2001. С. 288.

**Определения права, предлагаемые представителями
различных школ, направлений теоретического правоведения**

п/п	Определение	Автор и источник
1	«Право – совокупность правил поведения, установленных государственной властью как властью господствующего в обществе класса, а также обычаев и правил общечития, санкционированных государственной властью и осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу».	<i>Вьшинский А.Я.</i> Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 4.
2	«Право, бесспорно, представляет из себя совокупность правил человеческого поведения. Но такой характер имеют и веления религии, морали, нравов. В чем же заключается характерное отличие юридически правил и велений? Так как все действия направлены на определённые цели, то естественно искать отличительный признак права от других нормативных сил в специфических целях его. Относительно этих целей едва ли возможны значительные разногласия. Цели права – это ни в ком не вызывает сомнения – заключаются в защите и охране... человеческих благ или интересов посредством положительных и отрицательных человеческих действий... Но цель охраны в известной степени присуща и другим воздействующим на волю великим социальным факторам, так что на ней нельзя построить отличительного признака. Правильный критерий может заключаться поэтому только в характере самих норм. Правовые же нормы характеризуются следующими существенными признаками: 1. Они суть нормы внешнего поведения людей в их отношениях друг к другу. 2. Это – нормы, исходящие от признанного внешнего авторитета. 3. Нормы, обязанность которых гарантируется внешними средствами».	<i>Еллинек Г.</i> Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 331-332.
3	«... Нормы разграничения интересов определяют границу между правом и неправом и суть юридической нормы . Таким образом, различие нравственности и права может быть сформулировано очень просто. Нравственность даёт оценку интересов, право – их разграничение ... Так как право предполагает разграничение интересов различных личностей, то юридические нормы определяют только отношения к другим, а не к самому себе. Нравственные правила, напротив, устанавливают обязанности и в отношении к самому себе, потому что оценка интересов имеет значение и для человека, взятого совершенно отдельно».	<i>Коркунов Н.М.</i> Лекции по общей теории права. 2-е изд. – СПб., 2004. С. 60-61.
4	«...Право по его сущности можно определить как нормативную форму упорядочения, стабилизации и воспроизводства общественных отношений, поддерживаемую (охраняемую) средствами юридического процесса и государственным принуждением ».	<i>Лейст О.Э.</i> Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2008. С. 47.

5	«Право есть психический фактор общественной жизни, и оно действует психически. Его действие состоит, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям (мотивационное или импульсивное действие права), во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера, в ослаблении и искоренении других, вообще в воспитании народной психики в соответствующем характеру и содержанию действующих правовых норм направлении (педагогическое действие права)».	<i>Петражицкий Л.И.</i> Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. Спб., 1907, с. VII.
6	«...Право есть некоторая социально-психологическая сила, регулирующая поведение людей: оно есть некоторое состояние общественного сознания и общественной воли, заключающее в себе психическое принуждение индивида к известному поведению».	<i>Покровский И.А.</i> Основные проблемы гражданского права. 5-е изд. М., 2009. С. 64.
7	«Что такое право? Это слово, как известно, принимается в двояком значении: субъективном и объективном. Субъективное право определяется как нравственная возможность, или иначе, как законная свобода что-либо делать или требовать. Объективное право есть самый закон, определяющий эту свободу. Соединение обоих смыслов даёт нам общее определение: право есть свобода, определяемая законом. И в том, и в другом смысле речь идёт только о внешней свободе воли; поэтому полнее и точнее можно сказать, что право есть внешняя свобода человека, определяемая общим законом».	<i>Чичерин Б.Н.</i> Избранные труды. СПб., 1997. С. 64.

Проанализируем, в контексте проблематики права, его применения, правовых, в том числе и правоприменительных интересов тех или иных субъектов правовых отношений, содержание понятий, воспроизведённых в таблице 1.

Нетрудно заметить, что определение права, предложенное для базальтернативного, универсального применения и в теории, и в социалистической правоприменительной практике А.Я. Вышинским, представляет собой лишь предельно идеологизированную, политизированную версию тех представлений о праве, в том числе и о его практическом функционировании, которые сложились в рамках социально-гуманитарного позитивизма, восходящего к идеям О. Конта и получившего своё воплощение в правовом позитивизме. Достаточно сопоставить положения Вышинского и идеи, сформулированные Г. Еллинеком, чтобы убедиться в этом. Вышинский «усилил» своё определение права признаками классовости, предельной власти и принудительности. В его представлении право – это принудительный порядок, устанавливаемый классовым государством, который выгоден и угоден господствующему классу, под этим классом подразумевался пролетариат. Если выразить более адекватной терминологией понятия «выгоден», «угоден», то речь должна идти о понимании права как способа принудительного обеспечения государственной властью интересов пролетариата.

За прошедшие годы в социально-гуманитарном, в том числе и юридическом, философском терминоведении произошли заметные изменения, затронувшие и те положения, которые воспроизведены выше.

Но эта терминологическая модернизация, с нашей точки зрения, отличается незавершёностью и повышенной долей субъективизма. Весьма невелик потенциал интеллектуального консенсуса по поводу того, **«от какого наследства мы отказываемся»**.

Для более системных представлений о праве и интересах, разрабатываемых в своё время Г. Еллинеком, воспроизведём его некоторые актуальные положения.

В качестве субъекта внешнего авторитета, который определяет правила поведения людей, автор определяет государство. «Право есть одна из важнейших сторон государства; государство не возможно без права»². Само понятие «право» автор трактует как право государственное и право существующее. «Положительное право, – пишет Г. Еллинек, – отличается от всех других волевых норм тем, что оно в качестве реальной силы производит определённое, подлежащее учёту действие. В этом направлении право составляет поэтому предмет науки о существующем (здесь и далее подчёркнуто нами. – А. К.). Исторические исследования в области права и народного хозяйства, социально-политическая критика существующего порядка и т.д. рассматривают право как действительный фактор народной жизни, они обращаются в области права исключительно к существующему»³.

Это явно позитивистская позиция, которая, с нашей точки зрения, существенно ограничивает правовое поле. Существующее право – это право прошлого, уже состоявшегося. Но право как феномен бытия измеряется как в пределах прошлого, настоящего, так и будущего. Должное-будущее присутствует в праве в виде значимых для субъектов права целей, ценностей, интересов, правовых ожиданий.

«Соотношение должного и сущего, их противоречивые связи, – отмечает Е. А. Лукашева, – являются универсальным свойством всех нормативных систем...»⁴.

Как нам представляется, естественный диалектический синтез сущего и должного в праве позволяет более системно исследовать феномены сущего и должного, образующие структуру, содержание правовой материи, в том числе и сущее и должное в структуре правовых, правоприменительных интересов, потенциал которых далеко выходит за пределы текущих юридических действий и отношений.

В своём понимании права Г. Еллинек допускает и иные ограничения правовой, правоприменительной субъектности, прежде всего выводя за скобки правоприменительных отношений то, что он называет индивидуализирующими элементами. «Индивидуализирующие элементы, – пишет он, – являются теми подводными камнями, на которые разбивается всякая попытка широких обобщений в праве. Естественное право, состоящее из одних только общих положений, которые либо не применяются вовсе, либо нигде не осуществляются полностью, представляют поэтому самую резкую противоположность праву положительному»⁵.

Следует отметить, что определяющим признаком права является его универсальная нормативность. Правоприменительная практика ориентируется прежде всего на правовые универсальные принципы, нормы, на универсальные юридические процессы, явления, факты, но право не может, как считает Г. Еллинек, игнорировать и индивидуализирующие элементы, особенно в сфере гражданско-правовых отношений.

² Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 48.

³ Еллинек Г. Указ. соч. С. 56.

⁴ Лукашева Е. А. Право. Мораль. Личность. М., 1986. С. 82.

⁵ Еллинек Г. Указ. соч. С. 67.

Особого внимания в развёрнутом определении права, предложенного Г. Еллинеком, заслуживают его размышления о том, что целью права является защита и охрана человеческих благ и интересов, но при этом, как отмечает автор, подобные цели характерны и для других социально-регулятивных факторов.

«Всем человеческим интересам, – пишет Г. Еллинек, – присуща необходимая психологическая тенденция проложить себе путь и упрочиться. Но и то и другое требует силы. В каждой постоянной человеческой группе, организованной или неорганизованной, существует поэтому стремление приобрести силу и удержать её. Но самым могущественным социальным фактором является государство... Каждая социальная группа стремится поэтому к признанию её государством и, когда она уже признана, – к осуществлению своих интересов при помощи государства»⁶.

Таким образом, государство предстаёт в качестве властного, политического, правового института и концентрации интересов тех или иных социальных групп и их успешной реализации. Все другие социально-регулятивные факторы – религия, семья, мораль и т.д. – не обладают подобной концентрацией ресурсов. По сути, Г. Еллинек обосновывает идеи, положения о правовом, правоприменительном монополизме государства, но при этом ограничивая его пределами регулятивно-правового формализма. «...Право в конечном результате, – писал Г. Еллинек, – есть сила не творческая, а охраняющая и защищающая. Оно может создавать лишь внешние условия для положительной человеческой деятельности, содержание которой всегда даётся только всем конкретным социально-историческим развитием»⁷.

Идеи правового формализма, но несколько с иных научно-мировоззренческих позиций рассматривает Н. М. Коркунов, формулируя и обосновывая тезис о том, что право есть **разграничение интересов**, тогда как нравственность есть **оценка интересов**.

Ранее мы уже анализировали многие аспекты правовой «интересологии», разработанной Н. М. Коркуновым⁸.

В настоящей работе обратим особое внимание на ряд проблем, не потерявших своей теоретической актуальности и на современном этапе развития отечественного правоведения.

В своих многочисленных обоснованиях тезиса о том, что право есть разграничение интересов, Н. М. Коркунов делает акцент на то, что разграничение интересов в праве, в отличие от оценки интересов моральными императивами, представляет собой особую форму отношений субъектов в процессе применения правовых норм.

«Применение юридических норм, – отмечал Н. М. Коркунов, – обусловлено противоположением моим интересам чужих интересов, и потому соблюдение их обязательно только под условием существования этого чужого интереса, ради которого я должен в своей деятельности подчиняться юридическим нормам»⁹.

Развивая это положение, Н. М. Коркунов пишет далее: «Право есть именно обусловленная соответствующей обязанностью другого лица возможность

⁶ Еллинек Г. Указ. соч. С. 124.

⁷ Еллинек Г. Указ. соч. С. 262.

⁸ См.: Кузьмина А. В. Категория «интерес» в философии и праве. М., 2009. С. 101–109.

⁹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб., 2004. С. 61.

осуществлять... интерес в установленных юридическими нормами пределах. Юридическая обязанность есть обязанность выполнять вытекающие из чужого права требования, соблюдать устанавливаемые юридическими нормами границы сталкивающихся интересов»¹⁰.

Делая определённый вывод из своих размышлений, Н. М. Коркунов пишет: «Не трудно... доказать, что каждая юридическая норма есть непременно норма разграничения интересов. Это явствует, во-первых, из того, что юридические нормы не применимы в отношениях к животным или к рабу, как к таким существам, интересы которых не разграничиваются с интересами хозяина, а вполне поглощаются ими. Во-вторых, каждая юридическая норма непременно предполагает соотношение интересов различных лиц и даёт их разграничение. В гражданском праве разграничиваются интересы отдельных частных лиц, вступающих в разнообразные отношения: мужа и жены, родителей и детей, покупателей и продавца, нанимателя и наёмника, должника и кредитора и т.д. В уголовном процессе разграничиваются интересы обвинителя и подсудимого. В гражданском процессе разграничиваются интересы истца и ответчика. В государственном праве разграничиваются интересы всех отдельных участников государственного общения, от монарха до последнего подданного. В международном праве разграничиваются интересы людей, как участников международного общения, и интересы их, как граждан отдельных государств»¹¹.

Правовая, правоприменительная практика является убедительным подтверждением положений и Н. М. Коркунова и многих других авторов, в том числе и современных, об определении сущности права через интересы участников юридических отношений.

Но для многих весьма убедительными оказались аргументы, обосновывающие юридический статус понятия «разграничение интересов», в том числе и для Л. И. Петражицкого. «Коркунов, – писал Л. И. Петражицкий, – исходит из понятия интересов, но на место защиты он ставит, по примеру некоторых немецких юристов, разграничение интересов...»

По поводу этого учения нельзя, прежде всего, не заметить, что и выражение «разграничение интересов», как и «защита интересов», есть, скорее, образное выражение, нежели точный научный термин. Как разграничить интересы двух или нескольких лиц, если интересы – психические явления, явления внутреннего мира, не имеющие протяжения, неделимые и т.д.»¹².

Весьма логичную критическую аргументацию Л. И. Петражицкого, как нам представляется, нельзя не учитывать при исследовании «присутствия» самых разнообразных интересов в праве, в механизмах заинтересованной деятельности по реализации права.

Определённая символизация термина «интерес» проявляется и на современном этапе развития юридического категориально-понятийного аппарата, его использования в нормативных правовых документах, когда явно недооценивается психическая субстанция интереса, о которой писал Л. И. Петражицкий, и, одновременно, переоценивается формально-атрибутивная составляющая интереса и права в целом.

¹⁰ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб., 2004. С. 61.

¹¹ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб., 2004. С. 62.

¹² Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 253.

Идея о нормативном формализме права реализована и в его определении, сформулированном О. Э. Лейстом (см. таблица 1), но автор, по сути, выходит за пределы регулятивного формализма, полагая, что право не только создаёт условия для положительной человеческой деятельности, как считал Г. Еллинек, но и участвует в упорядочивании, стабилизации, воспроизводстве общественных отношений средствами юридического процесса и государственного принуждения.

Развивая свой тезис о правовых функциях, О. Э. Лейст пишет, что «право способно не только охранять и воспроизводить существующие отношения, но и в чём-то менять их или создавать новые, до того не существующие общественные отношения»¹³.

Данное положение, с нашей точки зрения, может быть предметом творческих дискуссий, ибо подобное видение правовых возможностей государства, а именно оно, в понимании автора, является монопольным правоприменителем, не адекватно отражает объективные и субъективные начала развития экономических, социальных, властно-политических, идеологических, конфессиональных, гендерных и иных общественных отношений, особенно когда речь идёт не о правовой оболочке, в которой развиваются эти отношения, а о их сущностном содержании.

При рассмотрении сущностных качеств права, юридической деятельности О. Э. Лейст анализирует проблематику государственного принуждения, полагая, что «с точки зрения логики норм связь права с государством наиболее непосредственно выражена именно в установлении мер государственного принуждения, применяемых к нарушителям правовых норм»¹⁴.

Обосновывая данное сущностное качество права, его универсальность и актуальность, автор обращает внимание на то, что в отечественном правоведении советского периода была чрезмерно гипертрофирована связь права и государственного принуждения.

Анализируя подобный правоприменительный уклон, О. Э. Лейст делает вывод о том, что «санкции, определяющие меры государственного принуждения за нарушения норм права, – необходимый компонент любой правовой системы, но им не принадлежит в этой системе ведущая роль, поскольку угроза принуждения и её применение не исчерпывают содержание права. Главным в праве является предупреждение и пресечение конфликтов, упорядочение решения споров, восстановление нарушенных прав, стабилизация с помощью юридических средств отношений, свойственных данному обществу, его социальному и политическому строю»¹⁵.

Акцент на непринудительную реализацию права не только отвечает современным тенденциям демократизации, гуманизации юридических отношений, но и предполагает иное видение содержания, структуры, целей заинтересованной юридической деятельности государства, других субъектов правовых отношений.

Иное видение права, его сущностных свойств и функций обосновывает Л. И. Петражицкий (см. таблица 1), делая акцент на психическое содержание права. Для него право выражается, определяется не юридической универсальной нормативностью, не внешними предписаниями-дозволениями некоего

¹³ Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2008. С. 53.

¹⁴ Лейст О. Э. Указ. соч. С. 70.

¹⁵ Лейст О. Э. Указ. соч. С. 78.

творца регламентаций, указывающего всем, что и как следует делать, находясь в пределах правового пространства, а внутренней духовно-психической мотивацией. Право как способ поведения приходит к человеку не из внешней социальной реальности, а формируется изнутри, под определяющим воздействием духовно-психических факторов, в том числе и черт характера.

Если сторонники юридического позитивизма видят в праве преимущественно универсальность, нормативность, формальность, то Л. И. Петражицкий выделяет в праве, в его функционировании, в реальных жизненных условиях, прежде всего, психическую составляющую, которая, безусловно, ведёт к деуниверсализации права, к его определённой персонализации. Это принципиально иное понимание права, содержания, особенностей его практической реализации. На этом исследовательском пути Л. И. Петражицкий обосновывает понятие и концепцию, названную им интуитивным правом, т.е. правом, воспроизводимым изнутри, из глубин духовно-психического мира индивида.

«Интуитивное право, – писал Л. И. Петражицкий, – остаётся индивидуальным, индивидуально-разнообразным по содержанию, не шаблонным правом, и, можно сказать, по содержанию совокупностей интуитивно-правовых убеждений, интуитивных прав столько, сколько индивидов»¹⁶.

Логика размышлений автора достаточно убедительна. Но с утилитарно-рациональных позиций степень практической применимости концепции интуитивного права в его целостном виде – минимальна, ибо превращает правоприменительную деятельность в индивидуальное творчество, со всеми вытекающими отсюда последствиями социального хаоса.

Но, с нашей точки зрения, в концепции Л. И. Петражицкого содержатся глубокие инновационные идеи, положения, позволяющие осознавать и исследовать многие глубинные процессы, явления, тенденции, раскрывающие диалектичность формально-универсальных и индивидуально-уникальных, социальных и личностных начал воспроизводства и реализации права, в том числе и на ином уровне исследовать юридические интересы.

Акцент на социально-психологическую, а не на собственно нормативно-юридическую составляющую по поводу права делается И. А. Покровским (см. таблица 1). Право, согласно его позиции, есть социально-психологический регулятор поведения людей, причём в качестве подобного регулятора И. А. Покровский выделяет психическое принуждение, не уточняя при этом, о каком психическом принуждении (внутреннем или внешнем) идёт речь.

Стоит заметить, что к рассмотрению общеправовых вопросов И. А. Покровский подходит как представитель отечественной цивилистики, но, как нам представляется, это не снижает высокую степень актуальности его размышлений.

Особенно значимы для современного понимания сущности права, его полусубъектности, связи права и интересов положения И. А. Покровского о праве, правоприменительном персонализме.

«Мы говорили выше, – отмечал автор, – о том, что первым признаком юридической самостоятельности личности является признание её носительницей субъективных прав. Освобождение личности от полного поглощения её обществом знаменуется прежде всего признанием её самостоятельным субъектом прав, обладательницей правоспособности и дееспособности: благодаря

¹⁶ *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 2. Спб., 1910. С. 480.

этому она стоит теперь перед лицом общества и его властей как некоторая самостоятельная сила, как некоторая юридическая самоценность.

...Личность растёт, и понятие субъекта прав наполняется всё более и более широким содержанием; личность добивается признания за собой новых и новых прав. При этом, разумеется, рост её субъективных прав идёт параллельно росту самого её внутреннего содержания, росту её интересов»¹⁷.

С одной стороны, рост правовой субъектности личности ведёт к росту её внутреннего содержания, росту её интересов, с другой – развитие внутренних ресурсов личности наполняет новым, более качественным содержанием её заинтересованную деятельность по реализации права.

Развивая положения о правовом, правоприменительном персонифицизме, И. А. Покровский пишет: «...под влиянием... естественно-правовой доктрины в современном гражданском праве твёрдо установилось начало, что всякий договор имеет юридическую силу, хотя бы его содержание не подходило ни под один известный закону тип (купля-продажа, наём, заём и т.д.). Правда, иногда слышатся ещё голоса в пользу старого воззрения, бессознательно проникнутого духом опеки над гражданами, но голоса эти уже никакого практического значения не имеют...»

А это начало обозначает собой новое признание права живой конкретной индивидуальности на охрану её особенных личных интересов, на охрану её самобытности»¹⁸.

В первой статье Гражданского кодекса Российской Федерации записано, что «граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своём интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора»¹⁹.

Спустя почти сто лет идеи отечественного прогрессивного цивилиста получили своё законодательное оформление, подтверждая тем самым приверженность российских законодателей идеям и ценностям правового персонифицизма, правоприменительной полисубъектности.

На многие размышления наводят слова И. А. Покровского, заключающие первую, общетеоретическую часть его работы «Основные проблемы гражданского права»: «Если государство должно сохранить своё положение, то оно может достигнуть этого не иначе, как лишь путём широкого признания прав человеческой личности и её индивидуального или коллективного голоса; чем далее, тем более устанавливаемый государством порядок должен превращаться в сознательное соглашение его членов (или их групп), должен приближаться к тому, что рисовалось представителям старой естественно-правовой школы под видом «*contrat social*» [«общественный договор» – *франц.*]»²⁰.

В примечании И. А. Покровский воспроизводит следующее суждение: «Сегодня авторитет закона заключён, скорее, в его содержании, чем в его источнике, и если закон хорош, то подчинение ему есть не долг, а потребность»²¹.

¹⁷ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 5-е изд. М., 2009. С. 121.

¹⁸ Покровский И. А. Указ. соч. С. 128.

¹⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации. М., 2009. С. 4.

²⁰ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 5-е изд. М., 2009. С. 161.

²¹ Покровский И. А. Указ. соч. С. 161.

Нет необходимости комментировать данные слова.

Особой метафизичностью отличается определение права, сформулированное Б.Н. Чичериным (см. таблицу 1), в котором акцент сделан на проблематику правового обеспечения внешней свободы тех или иных субъектов. Обосновывая актуальное значение своего понимания права, отличного от сторонников юридического позитивизма, Б.Н. Чичерин отмечал, что аргументация эмпириков «состоит в том, что человек всегда действует по известным мотивам. Действие без мотивов, в силу чистого произвола, какое предлагают приверженцы свободы, совершенно немыслимо. Из мотивов же всегда необходимым образом побеждает сильнейший, на основании которого и действует человек. Поэтому места для свободы здесь нет. Прежде всего, надобно заметить, что приверженцы свободы утверждают не действие без мотивов, а власть субъекта над своими мотивами и свободный между ними выбор, а это – нечто совершенно иное»²².

Утверждение Б.Н. Чичерина о том, что право есть внешняя свобода субъекта, обеспеченная действующим законодательством, весьма актуально и отвечает реальным тенденциям развития многих современных правовых систем. Но, вероятно, не многие современные теоретики права согласятся с пониманием свободы как произвольного, немотивированного поведения, как преодоленной необходимости. Это путь к социальному, поведенческому анархизму.

С нашей точки зрения, свобода, в её правовом смысле, непосредственно или опосредованно связана с мотивационным потенциалом дееспособного субъекта, что возвращает феномен свободы из метафизической сферы в пространство правовых регуляций.

Анализ определений права, воспроизведённых в таблице 1, позволяет более адекватно представлять параметры теоретико-категориального плюрализма, предметного поля теоретических дискуссий по поводу сущности, содержания права.

Своё видение проблематики сущности права обосновывает известный отечественный правовед В.С. Нерсесянц в учебнике «Проблемы общей теории права и государства»²³. Обратим особое внимание на два авторских положения о категориально-смысловой многозначности права и его объективной и субъективной «позитивизации».

Положение первое.

«Последовательное преодоление недостатков естественно-правового подхода (в сфере юридической аксиологии так же, как и в вопросах юридической онтологии и гносеологии), – пишет В.С. Нерсесянц, – ведёт не к позитивизму и легизму, а к теоретически более развитой форме юридического правопонимания и соответствующего определения понятия права и ценностно-правового значения закона (позитивного права) и государства.

По своей сущности право – это формальное равенство. Различные определения понятия права, представляющие собой разные направления конкретизации смысла принципа правового равенства, выражают единую (и единственную) сущность права. Причём каждое из этих определений предполагает и другие определения в общесмысловом контексте принципа правового ра-

²² Чичерин Б.Н. Избранные труды. СПб., 1997. С. 36.

²³ Нерсесянц В.С. Сущность и понятие права // Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / Под общ. ред. академика РАН В.С. Нерсесянца. – М., 2006. – С. 188-194.

венства. Отсюда и внутренняя смысловая равноценность таких внешне различных определений, как: право – это формальное равенство; право – это всеобщая и необходимая форма свободы в общественных отношениях людей; право – это всеобщая справедливость и т.д. Ведь всеобщая формально-равная мера так же предполагает свободу и справедливость, как последние – первую и друг друга.

Эти определения права через его объективные, сущностные свойства выражают в целом природу, смысл и специфику права, фиксируют понимание права как самостоятельной сущности, отличной от других сущностей. Эти объективные сущностные свойства права присущи уже праву в его различении с законом, т.е. не зависят от воли законодателя, логически предшествуют закону как правовому явлению и представляют собой исходный сущностный компонент правового закона (т.е. позитивного права, соответствующего правовому принципу формального равенства)²⁴.

Размышления известного отечественного правоведа о праве как формальном равенстве, отражающем и сущность права, и его многогранное содержание – равенство в свободе, равенство в справедливости, равенство в правовой защищённости и т.д., ориентируют на преодоления дихотомии естественности и позитивности права.

Положение второе.

«Но закон (то, что устанавливается как позитивное право), – пишет В. С. Нерсесянц, – может как соответствовать, так и противоречить праву, быть (в целом или частично) формой официально-властного признания, нормативной конкретизации и защиты как права, так и иных (неправовых) требований, дозволений и запретов. Только как форма выражения права закон (позитивное право) представляет собой правовое явление. Благодаря такому закону принцип правового равенства (и вместе с тем всеобщность равной меры свободы) получает государственно-властное, общеобязательное признание и защиту, приобретает законную силу. Лишь будучи формой выражения объективно обусловленных свойств права, закон становится правовым законом. Правовой закон – это и есть право, получившее официальную форму признания, конкретизации и защиты – словом, законную силу, т.е. позитивное право, обладающее объективными свойствами права.

Правовой закон – это адекватное выражение права в его официальной признанности, общеобязательности, определённости и конкретности, необходимых для действующего позитивного права.

Реальный процесс «позитивации» права, его превращения в закон, наряду с необходимостью учёта объективных свойств и требований права, зависит от многих других объективных и субъективных факторов (социальных, экономических, политических, духовных, культурных, собственно законотворческих и т.д.). И несоответствие закона праву может быть следствием правоотрицающего характера строя, антиправовой позиции законодателя или разного рода его ошибок и промахов, низкой правовой и законотворческой культуры и т.д.»²⁵.

В этом положении В. С. Нерсесянц развивает, конкретизирует тезис об обусловленности позитивного права (правового закона) объективными

²⁴ Нерсесянц В. С. Сущность и понятие права // Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / Под общ. ред. академика РАН В. С. Нерсесянца. – М., 2006. – С. 188.

²⁵ Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 189.

свойствами естественного права. Только адекватно выражая сущность естественного права, закон или система текущего законодательства могут отвечать признакам правовой, сущностно-содержательной универсальности.

Идеи о взаимосвязи права и закона, но несколько с иных позиций, обосновывает С. С. Алексеев.

Размышляя о процессах объективизации субъективных прав, С. С. Алексеев пишет, что «объективируется же право в особое институционное социально-классовое нормативное образование через закон – юридические формы, которые одни способны организовать право как своеобразное юридическое явление, привести к конституированию целостного, отличающегося мощной силой социального явления... закон (в глубоком социально-философском смысле) представляет собой высшее и стабильное воплощение нормативности. Той нормативности, которая даже в своём первичном, элементарном виде способна исключить «просто случай» и «просто произвол», а в праве, получив качество всеобщности, по самой своей природе выступает как фактор, противостоящий (разумеется, в зависимости от конкретных экономических, социально-классовых условий) произволу, своеволию отдельных индивидов и групп людей»²⁶.

Развивая это положение, С. С. Алексеев пишет далее: «Характеризуя право как явление близкое, взаимообусловленное с законом, вне его в своём развитии виде невозможное, не следует интерпретировать единство между ними таким образом, что сам по себе закон (правовой акт) – это и есть собственно право и что, следовательно, любые и всякие правовые акты или их совокупность сами по себе образуют право. Законы в указанном выше смысле – средство, инструмент конституирования права, придания классово-господствующей воле качеств институционного нормативного регулятора, обладающего мощной социальной силой. Самое же право потому и право, что отличается нормативностью, «возведённостью», является воплощением юридической свободы поведения участников общественных отношений, нормативным критерием правомерности этого поведения (дозволенного и запрещённого) и, следовательно, раскрывается как специфический феномен в единстве объективного и субъективного права. А это значит, что законы, иные акты государства, лишённые такого рода «возведения» – особого, отмеченного К. Марксом специфического правового содержания, воплощающего идею классово определённой справедливости, – могут стать в условиях эксплуататорского общества «пустыми масками», а то и «законодательством произвола»²⁷.

Стоит заметить, что «законодательство произвола» формировалось и активно применялось в системе «советско-социалистического» права. Да и в современном российском обществе ещё не сложились эффективные механизмы противодействия «законодательству произвола», т.е. таким законодательным актам, которые противоречат постулатам естественного права, принципам правовой свободы и справедливости.

«Современные теории права, – отмечает М. Б. Смоленский, – не содержат единого понимания сущности права, что обуславливается такими факторами, как сложность права, многообразие его проявлений в обществе, влияние на процессы познания сущности права правовой идеологии и классовой

²⁶ Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – С. 59.

²⁷ Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – С. 61.

борьбы, наличие различных исходных философских и методологических оснований.

Наиболее значимыми в истории политико-правовой мысли являются трактовки права, данные представителями естественной, психологической, исторической, позитивистской, социологической теорий права, философией права и марксизмом»²⁸.

Как правило, теоретические дискуссии о современном правопонимании представителей различных отечественных школ, направлений теоретического правоведения ведутся не только в учебниках, но и на страницах юридических журналов, в диссертационных исследованиях, в профильных монографических работах.

«...В настоящее время, – пишет В.В. Лапаева, – состояние российской теории права таково, что не позволяет говорить о наличии разделяемого большинством специалистов и потому авторитетного для практики учения о праве, которое увязывало бы естественно-правовые основания Конституции страны с базовыми правовыми конструкциями действующей догмы права. На фоне доминирования (если уж не в теории права, то в отраслевом правоведении, в учебной литературе и в правовой практике) легистско-позитивистского правопонимания советского образца в последние годы активно разрабатываются и иные подходы к пониманию права, исходящие из различия права и закона и стремящиеся наполнить понятие «закон» правовым смыслом. Однако ни один из формирующихся новых подходов не получил достаточно широкого признания и распространения в правовой науке. Такое положение дел в теории права негативным образом сказывается на состоянии правотворчества и правоприменительной практики»²⁹.

Нельзя, с нашей точки зрения, оставить без внимания и без обсуждения ещё одно положение В.В. Лапаевой, имеющее отношение к соотношению в мировоззренческо-идеологическом поле современной России системноцентристских и человекоцентристских парадигм. Автор пишет, что в настоящее время «человекоцентристская либерально-правовая идеология, основанная на признании имманентного единства правового, политического и социального начал, не имеет широкой поддержки в российской теории права. Напротив, все более заметной становится тенденция к усилению ненадолго ослабевшего после краха социализма системноцентристского подхода к праву, который получает в последнее время активное идеологическое подкрепление со стороны набирающих силу течений политической философии, основанных на идеях соборности, евразийства, византийства, державности, управляемой или суверенной демократии и т.д.

Все эти направления социально-политической мысли так или иначе оспаривают универсальный характер прав человека и пытаются обосновать авторитарную самобытность российского права и демократии тяготением общества к системноцентристскому пониманию общего блага. В этой связи специалисты говорят о смене идеологических ориентиров, а вслед за ними – и методологических подходов к изучению социально-правовых явлений»³⁰.

²⁸ Смоленский М.Б. Теория государства и права: учеб. – М., 2012. – С. 141.

²⁹ Лапаева В.В. Проблемы правопонимания в свете актуальных задач российской правовой теории и практики // Государство и право. 2012. – № 2. – С. 5–6.

³⁰ Лапаева В.В. Проблемы правопонимания в свете актуальных задач российской правовой теории и практики // Государство и право. 2012. – № 2. – С. 11.

Можно предположить, что в современном российском обществе нет объективных условий для смены идеологических ориентиров и правопонимания, и правовой политики государства, но следует согласиться с суждениями В. В. Лапаевой по поводу безусловного обострения духовно-идеологических, мировоззренческих противоречий между сторонниками социоцентризма и персонцентризма как в праве, так и в иных сферах жизнедеятельности.

С нашей точки зрения, усиление позиций сторонников социоцентризма в современном российском праве связано с процессами социально-экономического расслоения общества, со снижением универсальных социальных гарантий обеспечения государством стандартов приемлемого уровня и качества жизни. Бедность, жизненная, социально-экономическая пассивность – питательная среда для воспроизводства социально-социалистической идеологии и адекватного ей правосознания и приоритетов в правопонимании.

Носителями правового персонцентризма, как правило, являются экономически активные, социально, профессионально успешные группы и слои общества, включая так называемый средний класс.

Среди отечественных правоведов достаточно популярны идеи о таком правопонимании, которое синтезирует в себе и персонцентристские, и социоцентристские, и иные концептуальные положения.

Заслуживают внимания размышления М. Н. Марченко о парадигме «умеренного» позитивизма.

Как отмечает М. Н. Марченко, «важнейшими составными частями «умеренного» позитивизма, соотносящегося с правовой системой правового государства, являются, с одной стороны, естественно-правовые компоненты, возникающие в силу углубления взаимосвязи и взаимодействия позитивного права с естественным правом, а с другой – волевые компоненты, ассоциирующиеся с расширением в условиях глобализации и регионализации сферы регулятивного воздействия на общественные отношения (наряду с нормативно-правовыми актами) правовых договоров, общепризнанных принципов и норм международного права, корпоративных, религиозных и иных актов, исходящих от различных негосударственных и надгосударственных... или межгосударственных... объединений и их институтов»³¹.

Современная полемика известных правоведов по поводу правопонимания нередко приводит к определённой хаотизации формирующегося правосознания, затрудняя процесс самоопределения.

Однако философско-мировоззренческий, исследовательский плюрализм в области права естественен, как естественное субъективное многообразие, которое обуславливается соотношением идей, теорий с реальной практикой.

Одно неизменно: в любые исторические периоды, в любых социумах мы должны понимать и воспринимать право как благо, желаемое благо. В наиболее концентрированном виде обосновывает это положение известный российский философ И. А. Ильин: «Значение права состоит в том, что оно есть могучее средство воспитания людей к общественной жизни. Правовые нормы и повиновение им должны научить человека считаться с существованием других людей и с их интересами. Каждый человек должен приучить себя к тому, чтобы **доброю волею** ограничивать свои притязания, принимая во внимание, что другие также имеют право жить и осуществлять **свои** интересы»³².

³¹ *Марченко М. Н.* «Умеренный» позитивизм и верховенство права в условиях правового государства // Государство и право. 2012. № 4. С. 7.

³² *Ильин И. А.* Теория права и государства. М., 2003. С. 7.

С нашей точки зрения, **сущность права выражается в универсально-нормативном обеспечении свободы людей в социуме, свободы в её правовом понимании, когда свобода одних субъектов права, в том числе личности, семьи, социальной, экономической ассоциации, государства, заканчивается там, где начинается свобода других субъектов.**

Реализацию права свободы субъект может осуществлять в каждом конкретном случае самостоятельно или при содействии других субъектов права, в том числе и государства.

Только государство может защищать право свободы субъекта в необходимых случаях методами принуждения.

Но при этом каждый компетентный правовед должен осознавать то обстоятельство, что в каждом обществе, в каждом цивилизованном государстве формируются и соответствующим образом оформляются, институционализируются достаточно универсальные легитимные представления о сущности права, которые образуют концептуально-категориальное ядро правовой идеологии и правовой политики, как правило, закрепляемых в соответствующих конституциях.

Не является исключением и современная Россия, в Конституции которой получила нормативное выражение доминанта естественного права.

Естественная сущность права или сущность естественно-правовой российской национальной доктрины наиболее ёмко и целостно выражена в статьях 2, 17, 18 Конституции Российской Федерации:

«Статья 2. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»³³.

«Статья 17. 1. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией.

2. Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

3. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц»³⁴.

«Статья 18. Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»³⁵.

Положения этих и целого ряда других норм Конституции Российской Федерации – безусловный теоретико-методологический ориентир для понимания сущности права, его содержания, приоритетов развития.

Стоит обратить внимание на то, что фундаментальные положения о доминанте естественного права зафиксированы в большинстве конституций современных цивилизованных государств.

В статье 1 Основного закона Федеративной Республики Германии записано: «(1) Человеческое достоинство неприкосновенно. Уважать и защищать его – обязанность всякой государственной власти. (2) Немецкий народ в силу этого признаёт нерушимые и неотчуждаемые права человека как основу всякого человеческого сообщества, мира и справедливости в мире. (3) Нижесле-

³³ Конституция Российской Федерации. Статья 2. – М., 2011. – С. 4.

³⁴ Конституция Российской Федерации Статья 17. – С. 7.

³⁵ Конституция Российской Федерации. Статья 18. – С. 7.

дующие основные права обязательны для законодательной, исполнительной власти и правосудия как непосредственно действующее право»³⁶.

Впервые идеи естественного права получили своё нормативное оформление в Декларации прав человека и гражданина, принятой во Франции 26 августа 1789 года³⁷.

В Декларации записано: «Статья 1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Социальные различия могут быть основаны только на соображениях общей пользы.

Статья 2. Цель всякого политического Союза – обеспечение естественных и неотчуждаемых прав человека. Этими правами являются свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению»³⁸.

Свобода универсализируется в праве, но её постижение умом не универсально, а уникально. Подобная диалектичность свободы, универсализируемой в нормах права, свободы, постигаемой социумом, его правосознанием, и свободы, постигаемой умом правоспособного индивида, и образует, с нашей точки зрения, разнообразные модели и механизмы правоприменительного поведения, степень его детерминации потребностями и интересами каждого индивида, разнообразных юридических лиц.

Признание свободы в её правовом смысле, в качестве сущностного свойства живого права, создаёт новые теоретико-методологические предпосылки для осмысления феноменов реализации субъективных прав, или, иными словами, активного юридического поведения субъектов.

Субъекты юридических отношений и правовая культура

«В правовой науке, – пишет Д. А. Липинский, – существует несколько подходов к определению правоотношений. В одном случае под правоотношением понимаются субъективные права и юридические обязанности, представляющие собой модели возможного и должного поведения субъектов права (правоотношение как модель поведения), а при втором подходе под правоотношением понимается общественное отношение, урегулированное нормами права»³⁹.

В «Большом юридическом словаре» правоотношение рассматривается как «урегулированное нормами права общественное отношение, участники которого являются носителями субъективных прав и обязанностей»⁴⁰.

³⁶ Основной закон Федеративной Республики Германии // Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / Сост. В. В. Маклаков. 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2003. – С. 101.

³⁷ Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года. Конституционные акты Франции // Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / Сост. В. В. Маклаков. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2003. – С. 73–74.

³⁸ Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 года. Конституционные акты Франции. – С. 73.

³⁹ Липинский Д. А. Правоотношение: понятие, признаки и структура // Теория государства и права: учеб. / коллектив авторов; отв. ред. А. В. Малько. – 4-е изд., стер. – М., 2012. – С. 227.

⁴⁰ Большой юридический словарь. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А. Я. Сухарева. – М., 2009. – С. 573.

В этом определении акцент сделан на фактичность отношений между субъектами, которые являются носителями субъективных прав и обязанностей.

Анализируя различные свойства правовых отношений, С.С. Алексеев особо выделяет их волевой характер. С его точки зрения, правоотношения обусловлены прежде всего государственной волей, содержащейся в юридических нормах.

«Правоотношения, – пишет С.С. Алексеев, – связаны с индивидуальной волей. Многие правоотношения **возникают** на основе индивидуальных волевых актов. Подавляющее их большинство **реализуется** при помощи волевых действий участников правоотношения... Однако связь правоотношений с индивидуальной волей нельзя абсолютизировать. Главным остаётся обусловленность правоотношений ... государственной волей, выраженной в юридических нормах. Эта государственная воля и предопределяет помимо всего прочего формы и степень связи данных правоотношений с индивидуальной волей»⁴¹.

Связь правоотношений с индивидуальной волей, о чём пишет С.С. Алексеев, нельзя абсолютизировать, но и нельзя недооценивать личностно-волевою составляющую реальных, а не модельных, правовых отношений. Во многих случаях именно дефицит воли конкретных субъектов правовых отношений ведёт к правовому формализму, снижает результативность правового взаимодействия физических, юридических и приравненных к ним лиц.

В каждой стране в конкретные социокультурные, исторические периоды под воздействием внутренних, внешних объективных условий, субъективных факторов формировались свои модельные структуры иерархичности субъектов прав, в том числе и его реализации.

В достаточно универсальном понимании субъект права есть физическое, юридическое лицо, способное иметь и осуществлять определённые права и обязанности.

Содержание категории «субъект права» раскрывается с помощью более частных понятий «правоспособность» и «дееспособность».

Правоспособность – это социально-правовая характеристика субъекта права, обладающего соответствующими правами и имеющего определённые юридические обязанности.

Физические лица обладают правоспособностью на всех этапах своей жизнедеятельности.

Дееспособность – это социально-правовая характеристика субъекта права, обладающего соответствующими правами, имеющего определённые юридические обязанности и осознающего своё правовое положение в социуме как носителя прав, обязанностей, юридической ответственности.

Параметры дееспособности физических лиц в каждой конкретной правовой системе определяются на основе возрастных, гендерных и иных признаков.

Правоспособность и дееспособность юридических лиц, как правило, определяется одновременно, на основе их официальной регистрации в соответствующих государственных органах.

Авторы современных правовых публикаций выдвигают, обосновывают немало актуальных, дискуссионных проблем, имеющих важное и теоретическое, и практическое значение в понимании многосубъектности права.

⁴¹ Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – С. 337.

С нашей точки зрения, их рассмотрение, в той или иной мере, раскрывает представление об иерархичности носителей правовых ресурсов, их неоднозначности.

«Постструктурализм и постмодернизм... – пишет И.Л. Честнов, – подвергают критике традиционную в философии права и теории права эпохи модерна трактовку субъекта права. Интенции постструктурализма и постмодернизма направлены преимущественно на деконструкцию **догматизма, рациональности, объективизма и статичности субъекта права** – господствующих о нём представлений в классической юриспруденции.

Догматизм субъекта права связан со свойственным юридическому субъективизму... – убеждением в производности понятия «субъект права» от воли законодателя (или основной нормы в интерпретации нормативизма). Право творит субъекта права, наделяя его правосубъектностью, правовым статусом, отождествляемым с правами и обязанностями. Тем самым субъект права оказывается генетически и функционально подчинён структуре – объективному праву, выступающему demiургом правовой реальности. Многомерность субъекта права сводится к одному (хотя и достаточно важному, но отнюдь не единственному) аспекту – правам и обязанностям»⁴².

Обратим внимание на два авторских тезиса. Из текста следует, что И.Л. Честнов весьма скептически относится к тому, что право творит субъекта права. Этот скептицизм объясним, если следовать постулатам юридического позитивизма и ассоциировать право и законодательство. Но если этот тезис рассматривать в контексте естественно-правовой парадигмы, то он вполне обоснован, впрочем как и обоснован, в этом случае, тезис о том, что субъект творит право.

Но положение о том, кто творит – право субъекта или субъект право, в определённой мере ассоциируется с истматовской догмой о первичности и вторичности материи и духа, а на уровне обыденного сознания – о первичности-вторичности курицы и яйца.

В данной дискуссионной ситуации, если её анализировать с позиций естественно-правовых доминант, следует сместить акцент в сферу рассмотрения реальной диалектики естественного бытия человека и аналогичного бытия права. Очевидно, что речь должна вестись об определённой синхронизации генезиса правовой субъектности и феноменов права.

Известный отечественный правовед также критически относится к положениям тех авторов, которые многомерность субъекта права сводят к одному (хотя и достаточно важному, но отнюдь не единственному) аспекту – правам и обязанностям.

На законодательном уровне подобное центрирование правовой субъектности на права и обязанности различных физических, юридических лиц, с нашей точки зрения, вполне оправдано, ибо это позволяет определённым образом рационализировать, упорядочить огромное разнообразие положений, статусов субъектов права и отношений между ними. В этом случае в рамках парадигмы естественного права речь может и должна вестись о субъектах права в системе текущего законодательства и соответствующих юридических отношений.

⁴² Честнов И.Л. Теоретико-методологические основания системы права. – В кн.: Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы: Монография. СПб., 2010. С. 77.

Но на уровне системного организованного права речь может идти о широком понимании правовой субъектности. Признаками правовой субъектности могут обладать не только носители прав, обязанностей, юридической ответственности, но и носители правовых интересов, правового сознания, правовой идеологии, правовой культуры, иных феноменов права. Подобный подход призван обогащать содержание категории «субъект права»; он позволяет более активно использовать наряду с нормативно-юридическими критериями и духовные, поведенческие (культурные) и иные измерители правовой субъектности.

Развивая и обосновывая свои представления о современной теории правовой субъектности, И. Л. Честнов пишет: **«Содержание субъекта права (как и социального субъекта вообще), с нашей точки зрения, образует процесс представительства, который лежит в основе правовой идентичности. Именно в этом процессе соединяется личностное, индивидуальное начало с безличностным статусом, существующим в обществе.** Тем самым человек выбирает роль (правовой статус) и воспроизводит её своими действиями и ментальным образом. В правовой (юридически значимой) деятельности человека и других формах его внешней активности находят выражение (представлены) правовые статусы. Это же касается и коллективных субъектов права: статус, например, государственного органа (как и самого государства) реализует своей внешней активностью конкретный человек с присущими ему психологическими, в том числе эмоциональными и интеллектуальными, свойствами, которые имеют значение для совершения/несовершения тех или иных юридически значимых действий (начиная от заключения договора и заканчивая началом военных действий).

Таким образом, субъект права с точки зрения постклассической юридической науки – это постоянно воспроизводимая и разрешаемая в онтологическом диалоге антиномия человека и правового статуса. Именно человек представляет (выражает, реализует) своими действиями и ментальной активностью правовой статус как совокупность прав и обязанностей. Личностное («человеческое») начало субъекта права играет важнейшую роль в формировании и воспроизводстве правовой реальности, которая, в свою очередь, социализирует (рекрутирует) новых субъектов права. Субъект права характеризуется многомерностью, связанной с множественностью правовых идентичностей, существующих в современном социуме, контекстуальностью (зависимостью от исторической эпохи и культуры-цивилизации и изменчивостью)⁴³.

Государство как субъект права традиционно занимает монополюдно-доминирующие позиции в разработке, реализации правовой идеологии, правовой политики, универсальных принципов права, в сфере применения, в процессе реализации конкретных норм текущего законодательства, принуждения, насилия.

Другие субъекты правовых отношений, правовой деятельности реализуют свои правовые возможности в статусе правопользователей, правообладателей, правоисполнителей. В рамках подобной правовой специализации в отечественном правоведении сложился и соответствующий категориально-понятийный аппарат.

⁴³ Честнов И.Л. Теоретико-методологические основания системы права // Дорская А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы: Монография. – СПб., 2010. – С. 90–91.

Своё понимание феноменов правовой субъектности обосновывает в своих публикациях С. И. Архипов. По мнению автора, «юриспруденция, поместив в центр правовой системы норму права, отодвинула на второй план фигуру субъекта права»⁴⁴.

Развивая данное положение, автор пишет далее: «...**Не субъект существует для права, а право существует для субъекта и определяется им**»⁴⁵.

Эти положения могут образовывать определённый научно-мировоззренческий контекст для последующих размышлений о субъектах и объектах права – **права должного и права сущего** (реально существующего в современной России).

С нашей точки зрения, во многом новое понимание проблемы субъекта права, правовой субъектности обосновывает белорусский исследователь В. И. Павлов.

Воспроизведём некоторые его положения.

«...Новая модель субъекта, – пишет автор, – связывается не с опытом рационального присвоения мира, выстроенного из априорных cogito-оснований, но с реальными техниками, практиками субъективации, конструирующими субъекта. Иными словами, прежняя традиция понимания субъекта как завершённой и абсолютно самоопознанной субстанции, представляющей мир через его познание-присвоение, сменяется программой понимания субъекта как становящегося, возделывающего себя образования. Разумеется, что поскольку такое возделывание субъектом самого себя разворачивается не изолированно, а всегда в том или ином социально значимом пространстве, постольку в конституировании субъекта имеют значение не только практики [само]субъективации, но и порядок дискурса, в котором происходит субъективное становление. С этой позиции особую значимость представляет рассмотрение юридического дискурса как поля практик, которые с внешней стороны определяют человека в качестве субъекта права, или, что то же самое, объективируют его субъективность...»

В теории права эпистемологический переход от классической концепции права к концепции его присутствия, экзистенции возможно осуществить разными путями. Мы предлагаем это сделать через введение концепта «правовой человек»...

Под **правовым человеком** мы понимаем человека как фактически экзистирующего в государственно-правовом пространстве. Правовой человек по этому – это не нормативно завершённый, оформленный субъект права. Правовой человек – это цельный человек как он есть в мире права»⁴⁶.

В различных социально-гуманитарных науках, для антропологического измерения тех или иных феноменов жизненного мира, многие десятилетия разрабатываются и используются понятия «экономический человек», «политический человек», «социальная личность» и др.

⁴⁴ Архипов С. И. Субъект права в центре правовой системы // Государство и право. – М., 2005. – С. 13.

⁴⁵ Архипов С. И. Субъект права в центре правовой системы // Государство и право. – М., 2005. – С. 22.

⁴⁶ Павлов В. И. От субъекта права к правовой субъективации (к началам энергично-правового дискурса) // Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений: Коллективная монография / Отв. ред. А. А. Дорская. – СПб., 2012. – С. 128–129.

Термин «правовой человек» мало используется в современном теоретическом правоведении. Существует определённый скептицизм по поводу теоретического значения и практической полезности данного понятия.

Действительно, в рамках доминирующей позитивистской парадигмы, когда право по сути ассоциируется с текущим законодательством, а правоприменительная практика основывается на тотальной нормативности-стандартности, введение в юридическую лексику понятия «правовой человек» и его использование в законотворчестве и в процедурах, в механизмах применения конкретных юридических норм может вызывать множество лексических, юридических, социально-гуманитарных и иных проблем.

Но, с другой стороны, если мы признаём значение категории «правовое государство», разрабатываем и реализуем концепцию развития правового государства, то логично предполагать, что первичными единицами правового государства должны рассматриваться **правовой человек** или **правовая личность** и **правовая семья**.

С нашей точки зрения, именно на личностно-семейном уровне могут и должны формироваться исходные предпосылки и правовые ресурсы правового государства и правового гражданского общества.

Но при таком подходе понятие «правовой человек» должно характеризоваться более комплексным содержанием. Тема эта актуальная и весьма дискуссионная.

В современном правоведении продолжают дискуссии о системной классификации субъектов права и её критериях.

Одним из таких критериев выступает деление права на частное право и публичное право.

В сфере частного права выделяются субъекты – физические лица, к которым относятся граждане государства, лица без гражданства и иностранцы и юридические лица, зарегистрированные в данном качестве в соответствующих государственных органах.

В сфере публичного права в качестве субъектов права и правовых отношений, как правило, рассматриваются различные органы законодательной, судебной, исполнительной власти, те или иные самоуправляемые муниципальные образования, организации, объединения граждан, входящие в структуру гражданского общества.

«В юридической литературе, – пишет С. С. Алексеев, – широко распространено деление субъектов права на две основные группы: индивидуальные субъекты – граждане и коллективные субъекты – организации. Такое деление следует признать стройным. Однако, думается, что «логика жизни» сильнее. Она требует обособления в особую рубрику таких специфических социальных образований, как государство, административно-территориальные единицы, избирательные округа и др. Конечно, и государство является организацией политической власти. Но применительно к государству, охватывающему все население страны, слово «организация» употребляется в ином смысле, нежели применительно к коллективам граждан (общественным организациям) и даже к организационно обособленным подразделениям государства (государственным организациям). Вот почему если отойти от чисто формальных критериев и обратиться к сущностным признакам, то трехчленное деление субъектов права не только возможно,

но и полностью адекватно реальному положению участников правовых отношений в обществе»⁴⁷.

Более творческий и системный подход к типологии субъектов конституционного права обосновывает О. Е. Кутафин. В систему субъектов конституционного права автор, в частности, включает народ Российской Федерации и образующие его нации и народности; Российскую Федерацию; субъекты Российской Федерации⁴⁸.

Обосновывая правомерность своей типологии, О. Е. Кутафин пишет: «Участие субъектов конституционного права Российской Федерации в правовых отношениях выражается прежде всего в том, что каждый из них является носителем прав и обязанностей, характерных для конституционно-правового отношения, выступает как носитель специфики этих правоотношений, прав и обязанностей».

Однако большинство из них выступают в качестве субъектов не только конституционного, но и некоторых других отраслей права, и прежде всего гражданского.

Исключение представляют, пожалуй, лишь народ Российской Федерации и образующие его нации и народности России, юридический статус которых не характеризуется необходимой степенью личной и имущественной обособленности.

С юридической точки зрения, понятие «народ» отождествляется с понятием «граждане» и определяется как принадлежность данной, ассоциированной в рамках единого государства совокупности людей к соответствующему государству. Народ образует физический субстрат государства»⁴⁹.

Нам близки размышления и выводы О. Е. Кутафина, которые могут быть своеобразным методологическим ориентиром для продолжения исследований проблем правовой субъектности.

Существует определённая взаимосвязь, взаимообусловленность взаимопонимания, понимания феноменов правовой субъектности и того правового пространства, которое выражается понятиями «объект права» или «объект правовых регуляций».

Эта взаимообусловленность предопределяется как объективными условиями, так и субъективными обстоятельствами.

Та или иная концепция взаимопонимания может влиять на правосознание конкретных субъектов права, на их правовые цели, задачи, способствуя тем самым и формированию субъективных представлений об объекте и предмете правовых регуляций.

В свою очередь, объективная данность экономических, социальных, экологических, политических, гендерных, поселенческих, семейно-бытовых, трудовых, образовательных и иных публичных отношений и процессов, противоречия, проблемы в этих сферах предопределяют потребности, интересы по поводу их регулирования, оптимизации правовыми средствами.

Объективное бытие предопределяет своеобразный заказ праву по поводу регуляции публичных и иных отношений.

⁴⁷ Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2009. – С. 388.

⁴⁸ См.: Кутафин О. Е. Избранные труды: в 7 т. Т. 6. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица: монография. – М., 2011. – С. 30.

⁴⁹ Кутафин О. Е. Указ. соч. – Том 6. – С. 33.

Параметры тех или иных объектов правовых регуляций определяются в соответствующих нормативно-правовых документах.

Так, объектами гражданского права являются различные материальные и нематериальные блага, по поводу которых возникают гражданские правоотношения.

Объектом семейного законодательства являются проблемы семьи, материнства, отцовства, детства, именуемые как семейные отношения.

Объектом трудового законодательства являются трудовые отношения и иные непосредственно связанные с ними отношения по организации труда и управления трудом, трудоустройства, профессиональной подготовке, социальному партнёрству, разрешению трудовых споров и ряд других отношений работников и работодателей.

Теоретико-методологические, мировоззренческие ориентиры определения объектно-предметного поля правовых регуляций, осуществляемых в современной России, определены в Конституции Российской Федерации.

Современное демократическое, цивилизованное, правовое государство не претендует на исходно-генетический властно-правовой монополизм, а значит, и на доминанты в правовом пространстве собственно государственных мотивационных правоприменительных ресурсов.

Своеобразные принципиальные ориентиры для мотивированной правоприменительной деятельности государства, в системном виде, изложены в Преамбуле Конституции Российской Федерации и в Главе 1. Основы конституционного строя.

В объектно-предметном пространстве российского права выделены экономические, социальные, политические, экологические, идеологические и некоторые другие сегменты.

Центральное место в объекте правовых регуляций, осуществляемых различными субъектами права, особо выделены проблемы обеспечения, защиты прав, свобод человека и гражданина.

Достаточно внимательно проанализировать содержание статей Главы 2. Права и свободы человека и гражданина Конституции Российской Федерации, чтобы понять, сколь многогранен объект соответствующих правовых регуляций.

Главный ориентир – человек, персона. «Человек, – записано в статье 2 Конституции России, – его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»⁵⁰.

Данный императив в главном и основном, в универсально-модельном смысле предопределяет структуру конструктивных мотивационных ресурсов правоприменительной деятельности государства, в том числе и место в этой структуре юридических интересов. Это и достоинство личности, и свобода совести, вероисповедания, свобода слова. Это и комплекс личных прав на образование, на труд, на жилище, на охрану здоровья, медицинскую помощь, на социальную и правовую защиту и т.д.

Иногда может складываться впечатление о предельно широком, тотальном объекте правовых регуляций, за границами которого нет пространства жизнедеятельности, где социальный субъект не обременён правовым, правоприменительным воздействием. Но это не так.

⁵⁰ Конституция Российской Федерации. М., 2000. С. 4.

Стоит подчеркнуть: лишь в модельном смысле. В реальности мотивационный капитал правоприменительной деятельности того или иного государства может формироваться под корректирующим воздействием и иных ценностей и иных потребностей, интересов и целей, причём не всегда гуманных и центрированных на человека, на его права и свободы.

Но государство как инструмент народного волеизъявления, как выразитель наиболее универсальных и наиболее значимых ценностей и целей призвано не только признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и отдельного гражданина, но и быть мотивированным на реализацию иных целей, задач и функций. В некоторых случаях не менее актуальных.

Выделим наиболее значимые из них.

1. Государство обеспечивает признание, соблюдение, защиту прав и свобод человека.

2. Государство обеспечивает целостность и неприкосновенность территории Российской Федерации.

3. Государство обеспечивает единство системы государственной власти и одновременно её разделение на законодательную, исполнительную и судебную.

4. Государство обеспечивает единство экономического пространства, признание и защиту различных форм собственности.

5. Государство способствует идеологическому, политическому многообразию, многопартийности, религиозному плюрализму.

6. Государство способствует межпоколенческой, межэтнической консолидации.

7. Государство участвует в развитии международных отношений.

Обременённость современного государства соответствующими обязательствами перед населением и предопределяет структуру, содержание его мотивационных правоприменительных ресурсов.

Одновременно государство, его законодательные, исполнительные, судебные органы всех уровней формируют собственные мотивационные правоприменительные ресурсы, имеющие достаточно сложную структуру, определяемую как функциональной специализацией органов законодательной, исполнительной, судебной власти, так и многими субъективно-личностными особенностями должностных лиц, выполняющих профильные государственные функции.

В функциональной деятельности структур, органов, должностных лиц законодательной власти государства всех уровней доминируют, проявляются мотивы, прежде всего предопределяющие эффективность законодательной деятельности, хотя депутаты всех уровней, избираемые населением, мотивированы и на то, чтобы всеми имеющимися в их распоряжении средствами, формами, методами влиять на качественное и результативное применение норм текущего законодательства, особенно имеющих отношение к улучшению жизненного уровня населения, в том числе и избирателей, их экономической, социальной, экологической безопасности.

Мотивационные ресурсы структур, органов, должностных лиц исполнительной государственной власти в правовом пространстве центрированы как на правотворческую, так и на правоприменительную деятельность. Органы, должностные лица исполнительной власти государства традиционно участвуют в разработке большинства проектов нормативных правовых доку-

ментов, прежде чем они поступят на рассмотрение в соответствующие законодательные органы, а также самостоятельно принимают внутриведомственные нормативные акты.

Структуры, органы, должностные лица исполнительной власти государства мотивированы и на систематическую, комплексную правоприменительную деятельность, которая выступает достаточно эффективным средством решения управленческих задач, реализации управленческих функций.

Классическими правоприменителями являются структуры, органы, должностные лица судебной государственной власти. Как правило, их правоприменительная деятельность связана с принуждением или с угрозой принуждения физических, юридических лиц к исполнению норм действующего права. Подобная правоприменительная специфика и непосредственно и опосредованно влияет на генезис, развитие, воспроизводство профильных мотивационных ресурсов применения норм текущего законодательства.

В судебном процессе, в ходе судебного разбирательства сталкиваются мотивационные установки различных применителей права как такового, а также конкретных норм текущего законодательства – судьи, обвиняемого, истца, ответчика, прокурора, адвоката, других участников судебного процесса.

Московской государственной юридической академией под руководством Н.Я. Соколова было проведено социологическое исследование профессиональной культуры и мотивационных ресурсов юристов, в котором участвовали судьи, прокуроры, следователи, адвокаты, юрисконсульты, нотариусы, судебные приставы – всего 798 человек.

Респондентам был задан вопрос: «Какими мотивами, на ваш взгляд, руководствуются в своей профессиональной деятельности большинство знакомых вам юристов?»

Ответы распределились следующим образом: 1) профессиональным чувством ответственности – 58,5 %; 2) профессиональным интересом к работе – 54 %; 3) необходимостью оказания помощи гражданам, защиты их прав и интересов – 39 %; 4) привычкой, сформировавшейся за время работы, – 27 %; 5) возможностью получения личной выгоды – 27 %; 6) чувством долга перед обществом и государством – 15 %; 7) боязнью юридической ответственности – 8 %; 8) общественным мнением – 5 %; 9) поведением товарищей по работе – 3 %; 10) боязнью нравственной ответственности – 2 %; 11) негативными мотивами, реализуемыми неправомерными средствами, – 1,5 %; 12) негативными мотивами, реализуемыми правомерными средствами, – 1 %; 13) иными мотивами – 1 %; 14) политическими убеждениями – 1 %⁵¹.

Примечание: Респонденты могли давать на поставленный вопрос несколько ответов, поэтому общая сумма полученных ответов в процентах превышает 100.

Диагностика мотивов – весьма непростое дело. Не каждый респондент-правоприменитель способен на качественную, адекватную рефлексию, даже с элементами некоторой отвлечённости от собственной мотивированности. Но тем не менее социологические исследования позволяют представлять всю палитру мотивационных ресурсов отечественных профессиональных правоприменителей, сопоставлять полученные результаты с исследованиями, проводимыми психологами, с правоприменительной практикой и на этой

⁵¹ См.: Соколов Н.Я. Мотивы профессионального поведения и деятельности юристов // Государство и право. 2008. № 11. С. 15.

основе выявлять проблемы, тенденции, характерные для мотивационных оснований как конструктивного, так и деструктивного правоприменительного поведения.

Как уже отмечалось, в современных цивилизованных правовых системах, функционирующих в демократических обществах, происходят значительные изменения в объектно-предметной сфере реализации права на личностном, на корпоративном, на государственном уровнях, а также на уровне гражданского общества.

Мотивированная реализация права, представляющая собой активную целенаправленную деятельность, проявляется в процессе реализации субъектом усвоенной им правовой идеологии, правовой культуры, правовой политики, выработанной соответствующими органами социального управления, политической власти, базовых правил-принципов правового поведения, конкретных норм законодательства.

Важно подчеркнуть, что реализация права отличается своей достаточно универсальной системностью, которая включает в себя системность мотивов, целевых ориентиров субъекта, системность предмета деятельности, системность форм, методов деятельности.

В этой диалектической системности проявляются, в той или иной мере, отношения взаимосвязи, взаимообусловленности, определённой противоречивости.

На личностном уровне реализации права мотивационные ресурсы центрируются на конкретных нормах текущего законодательства, на реализации или нереализации прав, свобод, обязанностей, предписанных действующим законодательством. Мотивы реализации правовой идеологии, правовой политики, иных универсальных феноменов права образуют при этом своеобразный мотивационный фон, или мотивационный контекст, опосредованно или непосредственно влияющий на основную мотивационную доминанту поступков, связанных с конкретной нормой законодательства. Причём, это влияние может быть как позитивным, так и негативным, более или менее значимым, постоянным или временным.

На корпоративном уровне реализации права, как правило, проявляется большой мотивационный плюрализм. Мотивационные ресурсы одних корпораций могут быть сконцентрированы на поведении, связанном с реализацией норм текущего законодательства, мотивационные ресурсы других корпораций, например, представляющих правоохранительные органы государства, могут быть рассредоточены в более широком диапазоне, включая реализацию правовой идеологии, правовой политики.

Предельно разнообразны мотивации деятельности государства по реализации права. Это обусловлено не только сложностью, диалектичностью феноменов, образующих социальное правовое бытие государства, но и плюралистичностью современных научных представлений о государстве, о социуме, которые праведы не могут игнорировать.

Размышляя о развитии теории общества и государства, о выделении в их анализе таких составляющих, как движение и изменчивость, известный западный социолог П. Штомпка отмечает, что «необходимые радикальные выводы из этого были сделаны только в конце XX в., когда окончательно были отброшены всякие представления о неизменных общественных явлениях – организациях или системах, обладающих постоянными структурами, и учёные при-

шли к согласию о том, что всё, существующее в обществе, – это *общественные события, социальные действия*, то есть находящиеся в движении, изменчивые и постоянно меняющиеся, колеблющиеся конфигурации культурно мотивированных человеческих действий, соотнесённых с действиями других людей. Теперь вместо представления о социальных константах, постоянных, устойчивых общественных явлениях появилось понятие «фигураций» (у Норберта Элиаса), и вместо «структур» стали говорить о «структурации» (Энтони Гидденс), вместо социальных систем – о социальной жизни, вместо «существования» общества – о «становлении» общества»⁵².

Выделяя в познании социума такие исследовательские ориентации, как демографическую, групповую, системную, структурную, активистскую, культурную, событийную, П. Штомпка считает, что все эти феномены общественного бытия проявляются в популяциях, в группах, в позициях (в ролях), в отношениях, в действиях, в правилах, в событиях⁵³.

Нетрудно предположить, что весь ансамбль постоянной изменчивости социума, в той или иной мере, воздействует и на изменчивость права, и на изменчивость мотивационных ресурсов его практической реализации.

Но подобное признание перманентной изменчивости государства и общества лишь задаёт методологические ориентиры в исследовании их мотивационных ресурсов, предопределяющих участие в реализации права, оставляя без ответа вопросы, связанные с содержанием данных мотивов, с их структурой.

Оставаясь на позициях правового персоноцентризма, следует продолжить, в контексте анализа мотивационного потенциала реализации права, рассмотрение проблем диалектического соотношения личного, государственного, общественного в мотивации правового поведения на уровне государства и общества.

Данной проблематике уделял внимание А. Д. Градовский, многие идеи, положения которого приобретают на современном этапе творческих социально-гуманитарных, правовых дискуссий особую актуальность.

«**Независимое положение**, самостоятельность, свобода – вот вечный, неизменный идеал личности»⁵⁴, – писал А. Д. Градовский.

Этот неизменный идеал применим и к личностному видению идеального права, и к мотивации целенаправленной деятельности по реализации права.

Но личность не одинока и в государстве, и в обществе, и в правовом пространстве. Индивид приобретает личностные свойства через процессы социализации, через соотношение своего «Я» с иными членами государства, социума, с иными субъектами права. Но социализация индивида нередко ассоциируется с феноменами солидарности, и на этой основе делается вывод о том, что эта солидарность доминирует и в сфере потребностей, интересов, других мотивов публичного поведения людей, в том числе и правового поведения.

«Все люди, – писал А. Д. Градовский, – чувствуют необходимую связь между собою, все признают, что один член общества зависит от другого. В этом общее мнение и здравый смысл совершенно согласны с выводами науки. Это обстоятельство выставляют на вид. Эту необходимую, невольную

⁵² Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: пер. с польск. М., 2005. С. 28.

⁵³ Штомпка П. Указ. соч. С. 29.

⁵⁴ Градовский А. Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 168.

связь даже воспевают под именем солидарности. Но вот чего простой здравый смысл не видит и на что наука мало обращает внимание: каждый из связанных между собою членов общества естественно стремится к тому, чтобы, по крайней мере, другие больше зависели от него, чем он от них⁵⁵.

Подобная естественность, вероятно, проявляется и в мотивационной структуре правового поведения каждой конкретной личности, усложняя процессы, механизмы формирования общегосударственных, общесоциальных потребностей, интересов, ценностных ориентиров, обуславливающих субъектность государства и общества в сфере реализации права. Государство не может поощрять доминирование одних субъектов правовых отношений над другими, ибо это противоречит универсальной сущности права да и государственной власти, в её цивилизованных формах.

В анализе сложнейших проблем мотивированности свободы, личного, социального интереса в сфере властного управления, правовых регуляций А. Д. Градовский придерживается центристской позиции, полагая, что в экономической сфере, в сфере гражданских правовых отношений оправдано доминирование личностно ориентированных мотивационных ресурсов, тогда как в сфере государственного управления, в сфере государственного права должны доминировать социально значимые потребности и интересы. Лишь совокупность личных, государственных, общественных потребностей, интересов, наличие правовых механизмов их согласования обеспечивает устойчивое развитие социума.

Подводя определённые итоги своим размышлениям, А. Д. Градовский пишет: «Таким образом, с одной стороны, необходимость организовать различные неправительственные интересы и сохранить существование различных организаций, с другой – стремление распределить эти интересы между правительственными и общественными органами с целью более полного их осуществления – вот два главных обстоятельства, приводящих страну к самоуправлению. Но это априористическое распределение задач и признание разных самостоятельных элементов и интересов не решает ещё вопроса о том, какие организации могут существовать и существуют в государстве соответственно всем этим задачам и элементам»⁵⁶.

Подобное распределение основывается на анализе всей совокупности мотивационных ресурсов, в данном случае ресурсов, обуславливающих деятельность по реализации права индивидами, малыми социальными группами, государством, институтами гражданского общества, выявлению на его основе тех или иных актуальных тенденций, как конструктивно-прогрессивного, так и деструктивно-регрессивного свойства.

Очевидно, что мотивационные ресурсы государства, реализующего право, представляют собой диалектический синтез доминирующих мотивов личностного, группового уровня, мотивов, доминирующих в институтах гражданского общества, а также мотивов саморазвития, самоактуализации самого государства, которые отличаются от мотивов других субъектов реализации права. Мера этих различий отражает, в определённом смысле, правовое содержание государства, степень представленности в его функционально-правовой деятельности личностных, корпоративно-групповых, социальных начал.

⁵⁵ Градовский А. Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 168–169.

⁵⁶ Градовский А. Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 269.

Гуманизация права, демократизация механизмов его реализации актуализирует необходимость более продуктивного взаимодействия представителей различных социально-гуманитарных наук в исследовании мотивов поведения, в том числе и в правовом пространстве.

«В определённом смысле, – писал А. Маслоу, – почти любое состояние организма, каким бы оно ни было, представляет собой также и мотивационное состояние. По-видимому, современные концепции продолжают исходить из предположения, что мотивационное состояние представляет собой особое необыкновенное состояние, резко отличающееся от других событий в организме. Разумная теория мотивации, напротив, должна предполагать, что мотивация – непрерывна, она не прекращается, она сложна и нестабильна и является почти универсальной характеристикой практически любого состояния организма»⁵⁷.

В процессе социализации и юридизации индивид усваивает многие жизненные, поведенческие правила. Включенность индивида в систему социальных, в том числе и правовых, отношений оказывает корректирующее влияние и на его психический мир – происходит юридизация индивидуального сознания, индивидуальной психики за счёт усвоения правил социальной жизнедеятельности, правовых отношений, формируется культура реализации права.

Мера синтеза уникально-личностных, социальных, правовых ресурсов в мотивационной структуре индивида весьма разнообразна и предопределяется множеством как объективных обстоятельств, так и субъективных факторов. Но, с нашей точки зрения, всю совокупность подобного синтеза можно объединить в три типологические группы, которые формируют собственную культуру реализации права.

Первую группу образуют индивиды, живущие в развитых социальных, правовых системах, на ранней стадии жизнедеятельности включённые в процессы социализации и юридизации, проявляющие адекватную социальную и юридическую активность. В мотивационной структуре деятельности индивидов данной группы весьма заметно представлены не только индивидуально-психические, характерологические, но и социальные и юридические составляющие. Это индивиды, отличающиеся развитым правосознанием и социализированной, юридизированной структурой мотивационных ресурсов, ценностными ориентациями на социальную, юридическую нормативность-упорядоченность публичных отношений, на активную, инициативную деятельность по реализации права.

Вторую группу образуют индивиды, сущность которых, говоря словами К. Маркса, образует лишь совокупность общественных отношений. Это индивиды, психический, характерологический ресурс которых растворён в социуме, в определённом смысле прижат обязательствами правового принуждения. По сути, это лишь объекты социальных, правовых регуляций-манипуляций. Это исполнители чужой воли, в мотивационной структуре которых доминируют страх, боязнь наказания, стремление действовать ассоциативно – как другие, как большинство.

Как нам представляется, в правовом пространстве России, и современной и досовременной, в том числе и досоциалистической, доминировали носители подобных мотивационных ресурсов юридического поведения.

⁵⁷ Маслоу А. Мотивация и личность: пер. с англ. 3-е изд. СПб., 2010. С. 50.

Третью группу образуют индивиды, отличающиеся предельно низким уровнем социализации и юридикации, исповедующие абсолютные ценности эгоизма, индивидуального волонтаризма, поведенческого анархизма, весьма критически относящиеся ко всем нормам жизненных регуляций, в том числе и к нормам юридическим. В их мотивационной структуре поведения доминируют психически-характерологические, эмоциональные составляющие. Это субъекты, мотивированные на поведенческую хаотичность как конструктивного, так и деструктивного свойства.

В качестве определённого модельного ориентира для последующего рассмотрения содержания, структуры, особенностей ресурсов, мотивирующих правовое поведение субъектов, предлагается, как нам представляется, достаточно универсальный перечень этих ресурсов, представленный в таблице 2.

Таблица 2

Модельная структура мотивационных правоприменительных ресурсов субъектов современных юридических отношений

п/п	Наименование мотивационного ресурса
1	Страх за собственную жизнь, за безопасность, благополучие близких
2	Боязнь правовой ответственности, юридического наказания
3	Стремление к материальному благополучию посредством легитимной правоприменительной деятельности
4	Боязнь социальной, нравственной ответственности
5	Чувство личной, профессионально-должностной ответственности
6	Чувство личного, профессионального долга
7	Чувство гражданского, социального долга
8	Корпоративная этика, личная примерность коллег, руководителей, подчинённых
9	Карьерное развитие в процессе правоприменительной деятельности
10	Личный, профессиональный интерес к социально значимой правоприменительной деятельности
11	Стремление к саморазвитию, к самореализации через продуктивную, социально значимую правоприменительную деятельность
12	Правоприменительный альтруизм, борьба за социальную справедливость, гуманизацию правоприменительных отношений
13	Стремление через правоприменительную деятельность компенсировать свою личностную проблемность
14	Личный умысел, использование правоприменительной деятельности в корыстных, в преступных целях

Правоприменительная деятельность личности, как правило, обусловливается определённой совокупностью мотивов, образующих своеобразную мотивационную достаточно стабильную систему. Как и любая системность в её универсальном понимании, мотивационная системность содержит мотивационное ядро, вокруг которого центрируются другие мотивы, образующие мотивационное периферийное пространство.

Мотивационная системность правоприменительной деятельности, как нам представляется, отличается определённой иерархичностью, упорядоченностью, логичностью.

Если ведущим мотивом правоприменительного поведения является страх за собственную жизнь, за безопасность, благополучие близких, то сопутствующим мотивом может выступать чувство личного долга, а также, в определённых обстоятельствах, и правоприменительный альтруизм, борьба за социальную справедливость.

Если ведущим мотивом правоприменительного поведения личности выступает чувство личного, профессионального долга, то структура сопутствующих мотивов может быть более разнообразной, включать такие мотивы, как гражданский, социальный долг, личная, профессиональная, социальная ответственность, профессиональная этика, примерность коллег, руководителей, подчинённых.

Своеобразный мотивационный ансамбль правоприменительного поведения образуют: личный умысел, использование правоприменительной деятельности в корыстных, в преступных целях; стремление к материальному благополучию посредством легитимной правоприменительной деятельности; карьерное развитие, стремление через правоприменительную деятельность компенсировать свою личностную проблемность.

Это весьма распространённый мотивационный системный ресурс, в том числе и в сфере государственной службы, в сфере профессиональной правоприменительной деятельности.

Синтез психически-естественных и приобретённых в процессе социализации индивида социально-правовых мотивационных ресурсов правовой деятельности весьма диалектичен. Размышляя по этому поводу, Г. В. Мальцев пишет: «Социальное регулирование не является простой надстройкой над сферой действия природных регуляторов. С одной стороны, оно как бы поддерживает и продолжает их действие, переводя внутренние стимулы во внешнюю плоскость, придавая силы инстинктивным движениям, влечениям, потребностям, бессознательным порывам или сознательным стремлениям. С другой стороны, оно корректирует природные регуляторы всеми доступными человеку средствами сознательного контроля над собой вплоть до отказа от некоторых потребностей и желаний либо их существенной трансформации»⁵⁸.

В каждом конкретном юридическом поступке индивида в снятом виде задействованы, в той или иной мере, разнообразные психические, социальные, правовые, нравственные, идеологические и многие другие мотивационные ресурсы, познание которых позволяет с максимальной адекватностью диагностировать юридическое поведение того или иного индивида.

В рамках доминант юридического позитивизма нередко принимаются попытки «очистить» правовую предметность от мотивационно-духовной составляющей. Одной из причин подобной «оптимизации» правового поля является чрезмерная трудоёмкость в исследовании данных феноменов, в том числе и с позиций фактологичности правовой материи. Проще, удобнее оперировать в практике применения права фактичностью, лежащей на поверхности юридических отношений, правового, противоправного поведения – кто совершил? что совершил? где совершил?

Сложнее размышлять, в рамках правового бытия, над вопросами – почему совершил? был ли альтернативный выбор у субъекта поступка? в какой

⁵⁸ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 17.

мере поступок обусловлен социально-средовым контекстом, а в какой – потенциалом личных мотивов, деструктивных или конструктивных? Ответы на подобные вопросы формируют иную, более антропологическую, более гуманистическую и, в конечном счёте, более справедливую юридическую публичную практику, иную компетентность, культуру в процессе реализации права.

При анализе индивидуальных мотивов реализации права, в том числе и норм текущего законодательства, принципиально важно учитывать социальную многосубъектность индивида.

Индивид в типичных современных правовых отношениях выступает не только как физическое, биологическое, физиологическое, психическое лицо, но и в образе социально многоликого лица – женщины или мужчины, человека молодого или пожилого, карьерно успешного профессионала или безработного, представителя умственного или физического труда, работодателя или работника, родителя или ребёнка, религиозно верующего или атеиста. И везде присутствует элемент культуры.

Эти и многие другие социальные спецификации личности в той или иной форме влияют на структуру мотивов правовой деятельности, на динамику, параметры её изменений.

Непрерывность, сложность, нестабильность мотивации – обуславливают поведение личности, семьи, государства, политической партии, других субъектов по поводу реализации правовой идеологии, правовой политики, правовой культуры, принципов права, конкретных норм действующего законодательства.

Результативность современной правотворческой деятельности, осуществление процедур реализации права различными субъектами во многом определяется уровнем, качеством правовой культуры и юридической компетентности.

Правовая культура определяет стиль деятельности субъектов юридических коммуникаций.

Проблематика правовой культуры как одной из универсальных характеристик правовой деятельности, юридического поведения привлекает ныне внимание представителей различных школ и направлений теоретического правоведения. Она исследуется с различных мировоззренческих, научно-методологических, предметно-дисциплинарных позиций, что, безусловно, влияет на плюралистический характер представлений о категории «правовая культура», о содержании, о структуре, о функциях данного феномена в бытийном правовом пространстве, о соотношении правовой культуры с правовой психологией, правовой идеологией, да и в целом с правосознанием⁵⁹.

⁵⁹ См.: *Аграновская И.В.* Правовая культура как фактор укрепления социалистического образа жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983; *Аграновский Е.В.* Правовая культура и обеспечение прав личности. – М., 1988; *Иванников И.А.* Концепция правовой культуры // Правоведение. – 1998. – № 3; *Карташов В.К., Баумова М.Г.* Правовая культура: понятие, структуры, функции. – Ярославль, 2008; *Кейзеров И.М.* Политическая и правовая культура: методологические проблемы. – М., 1983; *Никитин А.Ф.* Что такое правовая культура? – М., 1988; *Павленко Е.М.* Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России. – М., 2008; *Петручак Л.А.* Функции правовой культуры // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 9; *Сальников В.П.* Правовая культура и поведение советских граждан (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1980; *Тагунов Е.В.* Социалистическая законность и правовая культура; *Шишкин В.Д.* Правовая культура в условиях социализма // Советское государство и право. – 1980. – № 6; и др.

«Очевидно, – писал Н. Н. Алексеев, – опыт усовершенствования права должен начаться с усовершенствования субъекта права. До тех пор пока носитель правового смысла и излучающееся из него правосознание не достигнуто нормальной и истинно-духовной жизни, порождающей нормальную и здоровую деятельность, – до тех пор и право не сможет быть совершенным. С глубоким удовлетворением я не могу не привести по этому поводу слов И. А. Ильина, со всей свойственной ему силой и точностью выражения подчеркнувшего важность названной стороны вопроса. «Право и государство, – говорит названный автор, – живут по существу в *субъекте права, им, субъектом, его душой, его духом*. Но субъект права – это не только понятие или категория, или абстрактная точка для умственного приложения полномочий и обязанностей; субъект права это прежде всего *духовно организованная душа*. Настоящий, не фиктивный субъект права способен чувствовать, желать и мыслить предметную цель права и государства и потому он переносит эти духовные напряжения свои на самое право и на самое государство и на государственную власть, как *на верные и достойные пути к этой цели*. *Быть не фиктивным субъектом права, значит быть духовно зрелой личностью*, – вот первооснова правосознания, вот аксиома философии права, длительное пренебрежение которой таит в себе возмездие... Это значит, что нормальный субъект права, как духовно-зрелая личность, ощутил и опознал свою *собственную природу*, как нечто *неразложимое* на простые животно-телесные потребности; он нашёл себя, как существо духовное, т.е. измеряющее себя и всю человеческую жизнь не голыми «нуждами», «пользами» и «интересами», – но *достоинством*, объективным и безусловным достоинством, честью, совестью, правотою *перед лицом Божиим*». Вот воспитание такого истинного, не «фиктивного», духовного субъекта права и является первой ступенью достижения правового идеала. Достижение ступени этой обеспечивает выработку нормального здорового правосознания, необходимыми порождениями которого будут нормальные и здоровые учреждения и институты положительного права. Духовность субъекта обеспечивает и духовный характер правовых установлений, образующих в целом образцовый и совершенный, реально-действующий *правопорядок*»⁶⁰.

К этим размышлениям известного отечественного правоведа трудно что-то добавить.

Формирование качественных, духовно зрелых субъектов правовых отношений – приоритетный ориентир для модернизации современного российского права.

Культура реализации права

«Реализация права, – пишет В. М. Сырых, – понимается как воплощение в действиях граждан, юридических лиц, государственных органов, должностных и иных лиц предписаний действующих норм права. Участники конкретных правоотношений действуют в строгом соответствии с действующим законодательством, выполняют его требования и в конечном итоге создают порядки, которые, по мнению государства, наилучшим образом отвечают

⁶⁰ Алексеев Н. Н. Основы философии права. – СПб., 1999. – С. 221–222.

интересам общества и личности и обеспечивают дальнейшее прогрессивное развитие общества.

Многообразии отраслей права и способов правового регулирования, закрепления правовых требований в нормативных актах обуславливают и различие в формах реализации права. Реализация норм права в правомерном поведении лиц осуществляется в четырёх формах: соблюдении, использовании, исполнении и применении»⁶¹.

Как нам представляется, следует уточнить содержание понятия «действующие нормы права», к примеру, включает ли данное понятие принципы права или правовую идеологию, т.е. то, что не относится к правовым предписаниям директивно-обязывающего характера?

Вероятно, также следует поразмышлять по поводу формулы «мнение государства», а также тех правоотношений, которые реализуются не в строгом соответствии с действующим законодательством и могут быть отнесены к номинации «злоупотребление правом».

«**Действие права**, – пишет В. В. Лазарев, автор главы «Действие права и формы его реализации» учебника под общей редакцией В. С. Нерсесянца, – это его информационное, ценностно-мотивационное и непосредственно регулирующее воздействие на общественные отношения в пределах определённого пространства, времени и круга лиц...

Действие права указывает на функционирование отдельных норм и всей правовой системы. Оно подчёркивает динамизм права, хотя и статическая функция права немыслима вне его действия.

Действие права означает переход (перевод) социальных моделей и абстрактных ценностей в реальную практику...

Во времени действие права начинается ещё до появления государственного веления. Напротив, именно право побуждает к действию законодателя...

Действие права в пространстве не ограничено какими-либо территориальными пределами. Не случайно имеет место примат международного права... Однако действие законов и других нормативных актов, исходящих от государства, ограничивается пределами государственной территории»⁶².

В данном положении мы находим некоторые ответы на ранее поставленные вопросы, что, безусловно, расширяет предметное поле дискуссии о действии и о применении права.

Проблематику действия права В. В. Лазарев рассматривает, исходя из его объективности-естественности. Это весьма актуальное, хотя и весьма неоднозначно воспринимаемое положение, особенно сторонниками универсалий юридического позитивизма. Действие права начинается ещё до появления государственного веления. Принятие данного тезиса означает дезавуирование представлений о «вечном» монополизме государства в сфере правоприменения. Право действовало, актуализировалось и применялось и до государственного веления.

Действие права понимается В. В. Лазаревым с функционально-процессуальной точки зрения не только как реализация отдельных норм, но и как функционирование всей правовой системы. Очевидно, что система права включает

⁶¹ Сырых В. М. Теория государства и права. Учебник для вузов. М., 1998. С. 254.

⁶² Лазарев В. В. Раздел IV. Действие права. Глава I. Действие права и формы его реализации. В кн.: Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М., 2006. С. 414–416.

в себя и правовые отношения, и их субъектов, и правовые нормы, принципы, правовую идеологию, правовую культуру и некоторые иные элементы подобной системности.

В действии права, в его подобном понимании, с нашей точки зрения, целесообразно выделять два класса: 1) прямое, внесубъектное ценностно-мотивационное воздействие права на бытие, сознание, поведение членов социума; 2) действие конкретных субъектов-носителей правовых ресурсов, по их практическому использованию (применению). Причём речь идёт о правовых ресурсах – правового сознания, правовой идеологии, юридических потребностей, интересов, юридической компетентности и культуры, конкретных, закреплённых в действующих правовых нормах, правах, свободах.

В своих последующих размышлениях и выводах о реализации права В.В. Лазарев концентрирует внимание на реализации норм действующего, текущего законодательства, при доминирующем участии государства. Рассматривая законотворчество в качестве исходной формы реализации права государством, автор пишет далее: «...но по общему правилу основной формой реализации права судьями и другими должностными лицами государства считается применение правовых норм, содержащихся в законах и подзаконных нормативных актах.

Активная законотворческая деятельность началась во времена Советского Союза в конце 80-х годов, в современной России принимается порядка 400 законов в год, в 2013 году было принято 453 закона, наглядно ход результатов законотворческого процесса представлен в таблице работы Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва.

Таблица 3

Статистические данные о ходе и результатах законодательного процесса за шестой созыв [2012–2015 гг.]⁶³

Показатель	Всего	Федеральные конституционные законы	Ратификации
Количество законопроектов, внесённых в Государственную Думу	5296	<u>62</u>	<u>169</u>
Количество законопроектов, принятых Советом Государственной Думы к рассмотрению Государственной Думой	4638	<u>62</u>	<u>174</u>
Количество законопроектов, рассмотренных Государственной Думой в первом чтении	3477	<u>54</u>	<u>170</u>
Количество законопроектов, всего рассмотренных Государственной Думой (или в первом, или во втором, или в третьем чтении)	3606	<u>57</u>	<u>171</u>
Количество законопроектов, принятых Государственной Думой только в первом чтении	201	<u>1</u>	0

⁶³ Информационные ресурсы сети Интранет Государственной Думы. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности – <http://sun-mirror.duma.gov.ru:8082/stat/table.jsp?p1=2012-01-01&p2=2015-12-31>.

Количество законопроектов, принятых Государственной Думой только во втором чтении	6	0	0
Количество законов, принятых (одобренных) Государственной Думой – всего	1615	<u>32</u>	<u>171</u>
Из них новых законов (впервые принятых Государственной Думой в данный период)	1614	<u>32</u>	<u>171</u>
Повторно принятых законов (впервые принятых до данного периода и отклонённых (или возвращённых в Государственную Думу без рассмотрения) Советом Федерации или Президентом РФ)	1	0	0
Количество законов, отклонявшихся (или возвращавшихся в Государственную Думу без рассмотрения) из принятых (одобренных) Государственной Думой в данный период – всего	20	0	0
Из них только Советом Федерации	19	0	0
Только Президентом РФ	1	0	0
И Советом Федерации, и Президентом РФ	0	0	0
Количество законов, подписанных Президентом РФ, из принятых (одобренных) Государственной Думой в данный период (впервые или повторно)	1543	<u>32</u>	<u>170</u>
Количество законов, подписанных Президентом РФ в данный период	1544	<u>32</u>	<u>170</u>

При этом, как видно из таблицы, именно Государственная Дума – нижняя палата Федерального Собрания Российской Федерации – выступает наиболее активным участником законодательного процесса, формируя, обсуждая и принимая федеральные законы.

Создание необходимого правового массива, регулирующего все сферы жизни страны, один из видов деятельности депутатов. Закон, принятый высшим законодательным органом при строгом соблюдении всех конституционных процедур, не может быть отменён, изменён или приостановлен актами исполнительной власти. И хотя Конституционный Суд РФ (в предусмотренном законодательством порядке) может признать неконституционным любой федеральный нормативно-правовой акт, лишив его юридической силы, верховенство закона как принцип сохраняется, как и иерархическое устройство законодательной сферы.

Было бы неправильно не замечать участия граждан во всех... формах реализации права. В ряде случаев они самостоятельно (на своём уровне) осуществляют и законотворчество, и конкретизацию, и применение права. Приведём в качестве примеров соответственно референдум, когда народное волеизъявление (нахождение права) становится законом; договор между предпринимателем и наёмным работником, конкретизирующий нормы трудового законодательства; возбуждение гражданином производства по делу частного обвинения и т.п.⁶⁴

Развивая данные положения, В. В. Лазарев делает акцент на приоритетную цель правоприменительной деятельности – содействие адресатам правовых норм в реализации принадлежащих им прав и обязанностей, а также

⁶⁴ Лазарев В. В. Указ. соч. С. 420–421.

контроль данного процесса. Тем самым автор стремится ограничить пределы правоприменительного волюнтаризма и всевластия государства целью-функцией содействия различным субъектам права в реализации их прав и обязанностей, а также целью-функцией контрольного характера. Развивая данные положения, В.В. Лазарев пишет далее: «Правоприменитель вмешивается в естественный ход реализации права и закона только в следующих случаях:

а) когда есть спор о наличии или мере субъективных прав и юридических обязанностей (в том числе при определении наказания за противоправное действие);

б) при необходимости определить момент действия и факт прекращения чьих-либо прав или обязанностей;

в) если надо осуществить предусмотренный законом контроль за правильностью приобретения прав и возложения обязанностей.

Оказать содействие, принудить к реализации правовых норм, возложить ответственность – таковы задачи субъектов правоприменения»⁶⁵.

Несколько под иным углом зрения рассматривает проблематику реализации права в форме правоприменения В.М. Сырых. Автор пишет: «Правоприменение – это деятельность, связанная с реализацией властных полномочий. Её результаты отражаются актом применения права, которым порождается или прекращается конкретное правоотношение, закрепляется определённый вариант поведения участников этого отношения и содержится требование реального исполнения возложенной обязанности. Неисполнение правоприменительного акта влечёт незамедлительное применение мер государственного принуждения.

Именно порождение государством конкретных отношений отличает правоприменительную деятельность от организационно-контрольной и иных форм деятельности государственных органов и учреждений в сфере реализации норм права. Однако это отличие проводится не всегда»⁶⁶.

Для нас актуален вывод автора, который пишет: «Правоприменительная деятельность, т.е. вторжение государства в действующие правоотношения, начинается с того момента, как будут выявлены нарушения закона и возникает необходимость применения санкции к правонарушителем»⁶⁷.

Как нам представляется, подобную предметно-содержательную, функциональную деятельность государства логичнее было бы именовать деятельностью по применению санкций к нарушителям норм действующего законодательства и рассматривать в качестве одной из многочисленных правоприменительных функций государства.

Нельзя оставить без внимания тезис А.Б. Венгерова о том, что «гражданин право не применяет...»⁶⁸ Получается, что ключевой субъект права отстранён от правоприменительной деятельности и должен довольствоваться статусом правообладателя или правопользователя.

«Право, – пишет А.Б. Венгеров, – применяют лишь те структуры, должностные лица, которые имеют властные полномочия. Гражданин право не применяет, хотя в некоторых случаях наделяется правомочиями активно препятствовать противоправному поведению другого лица. Например, в ситуации

⁶⁵ Лазарев В.В. Указ. соч. С. 425.

⁶⁶ Сырых В.М. Теория государства и права: учеб. для вузов. М., 1998. С. 257–258.

⁶⁷ Сырых В.М. Указ. соч. С. 258-259.

⁶⁸ Венгеров А.Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. М., 2002. С. 501.

так называемой необходимой обороны, когда под непосредственной угрозой оказывается жизнь, здоровье обороняющегося лица, его близких.

Но, как правило, применяют право органы государства, представители власти, т.е. те, кто наделён специальной компетенцией, либо те лица, чья работа связана с правоохранительной деятельностью. Формой правоприменения может быть принуждение, насилие над личностью, однако основанное на законе... Применение права осуществляется в отношении гражданина и, как правило, затрагивает его права и свободы»⁶⁹.

Если под таким углом зрения рассматривать феномен правоприменения и его восприятие общественным, индивидуальным сознанием, то вряд ли стоит размышлять об аксиологическом измерении правоприменительной деятельности, по крайней мере, о её позитивном восприятии не только теми, кто испытал на себе «практику правоприменения», но и подавляющим числом населения, которое наблюдает подобную правоприменительную практику.

Проблематике применения права конституционного уровня уделяет внимание В. О. Лучин⁷⁰. Рассмотрим некоторые положения автора. «В широком аспекте, – пишет В. О. Лучин, – правоприменительная деятельность, наряду с нормоустановительной, является юридическим выражением государственного руководства обществом»⁷¹.

Термин «государственное руководство обществом», используемый автором, задаёт вектор последующих размышлений о правоприменительном монополизме государства. Развивая своё видение конституционной правоприменительной деятельности, В. О. Лучин пишет: «Применение конституционных норм по своей социальной природе служит одним из средств управления социальными процессами. Следует согласиться с тем, что применение права представляет собой управленческую деятельность, одну из разновидностей социального управления... С позиций упорядочения общественных отношений, управления этим процессом применение служит средством воздействия компетентных государственных органов на других субъектов с целью так организовать их деятельность, чтобы она в соответствии с требованиями Конституции отвечала экономическим законам и социально-политическим потребностям»⁷².

В данном положении автор конкретизирует и профиль правоприменительной деятельности государственных органов, и её цели, задачи. Ключевой задачей монопольной правоприменительной деятельности государства определена организация деятельности других субъектов (не ясно, каких?), чтобы она отвечала экономическим законам (почему только экономическим?) и социально-политическим потребностям (почему не правовым потребностям, или идеологическим, культурным и иным?).

В авторских размышлениях просматривается модель правоприменительного монополизма авторитарного государства – единственного и универсального управленца, где право смешано и с властью, и с управлением, и с политикой.

⁶⁹ Венгеров А. Б. Там же.

⁷⁰ Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М., 2002. С. 99–108.

⁷¹ Лучин В. О. Указ. соч. С. 100–101.

⁷² Лучин В. О. Указ. соч. С. 100–101.

Несколько под иным углом зрения рассматривает проблематику применения конституционных норм Б. С. Эбзеев⁷³.

«Пять десятилетий назад, – пишет автор, – было высказано мнение, что применение права – исключительное свойство, прерогатива государственных органов, получившее широкое признание и распространение в юриспруденции. Акцент, таким образом, был сделан на том, что применение права – деятельность государства, его органов, должностных лиц, словом, на государственное начало в применении правовых норм.

Думается, однако, что теперь с учётом развития юриспруденции подобное понимание применения норм Основного закона не может в полной мере удовлетворить теорию конституционного права и юридическую практику. Субъектами применения конституционных норм являются государство как особая государственно-правовая и международная личность, республики и другие субъекты Федерации, органы государственной власти и местного самоуправления, органы судебной власти, прокуратура, должностные лица в пределах своих полномочий. Субъектами применения конституционных норм могут быть также общественные объединения в лице своих органов. Конституционные нормы применяются трудовыми коллективами, а также избирателями, военнослужащими, присяжными, т.е. гражданами, выступающими в особом государственно-правовом качестве. Другое дело, что правоприменительная деятельность ряда этих субъектов осуществляется по делегированию государства и его органов, но это не лишает их деятельность правоприменительного значения»⁷⁴.

Автор выделяет два типа субъектов правоприменения: государство, его органы, структуры; некоторые общественные, трудовые ассоциации, отдельных граждан, деятельность которых имеет правоприменительное значение.

К сожалению, в своих последующих размышлениях Б.С. Эбзеев не уточняет, какое содержание он вкладывает в формулы «деятельность правоприменительного значения». Но тем не менее он признаёт правоприменительную многосубъектность при реализации положений Конституции Российской Федерации.

Следует отметить, что идеи об особой правоприменительной миссии государства получили своё развитие и обоснование в работах многих отечественных правоведов XIX – начала XX века, причём не только консервативно ориентированных.

Рассмотрим положения о правоприменительном монополизме государства, сформулированные и развитые Б. Н. Чичериным, которого невозможно причислить к теоретикам правового консерватизма.

Критически анализируя различные представления о государстве, в том числе и договорную теорию государства, Б. Н. Чичерин даёт следующее определение: «...государство есть союз народа, связанного законом в одно юридическое целое, управляемое верховною властью для общего блага»⁷⁵.

Но, по его мнению, все эти признаки: власть, закон, свобода и общая цель – характерны для всех других союзов, в том числе кровных, церковных, гражданских и т.д.

⁷³ Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 164–170.

⁷⁴ Эбзеев Б. С. Указ. соч. С. 166.

⁷⁵ Чичерин Б. Н. Общее государственное право. М., 2006. С. 3.

«Существенный признак, отличающий государство от всех союзов, – пишет далее Б. Н. Чичерин, – состоит в том, что все они юридически подчиняются государству, государство же владеет над всеми. Верховный, державный, владеющий союз называется именно государством»⁷⁶.

Очевидно, что либерально-демократического духа в подобных суждениях явно недостаточно.

Заслуживают внимания размышления автора о целях государства, о его интересах, о юридических и нравственных способах их реализации.

«Цель государства есть общее благо. Благо союза заключается в полноте и согласном развитии всех его элементов. В этом состоит истинная природа государства, его идея. Поэтому можно сказать, что цель государства состоит в развитии его идеи.

Эта цель содержит в себе и юридическое начало, и нравственное: юридическое, ибо она осуществляется путём принуждения; нравственное, ибо подчинение частных целей общей есть нравственное требование. Но государство не имеет целью осуществление нравственных требований к личной деятельности его членов. Эта цель составляет задачу церкви, а не государства, ибо церковь, а не государство, действует на совесть; принудительное же исполнение нравственных требований есть отрицание самых оснований нравственного закона, который есть закон свободы. Государство осуществляет нравственные начала в собственной деятельности, настолько ею определяются общие интересы союза. С другой стороны, государство не ставит себе целью частного блага своих членов. Частное благо есть цель гражданского общества, а не государства. Последнее содействует развитию частных интересов лишь настолько, насколько они входят в общий интерес.

Государство есть союз, возвышающийся над другими союзами, а не поглощающий их в себе»⁷⁷.

В качестве второй цели государства Б. Н. Чичерин рассматривает свободу и права человека, вновь затрагивая проблемы принуждения-насилия.

«Насилие, – пишет Б. Н. Чичерин, – тогда только есть зло, когда оно является нарушением права, а не тогда, когда оно является восстановлением права, отрицанием отрицания. Частному лицу воспрещается самоуправство, ибо оно не может быть судьёю собственного права; но в обществе необходим орган, охраняющий и восстанавливающий право, и таковым является государство, как представитель целого, господствующего над членами.

Если бы даже все люди были добродетельны, то и в таком случае подобный орган был бы необходим, ибо отрицательная деятельность предполагает нечто положительное, что требуется охранять. Запрещая насилие, устанавливая безопасность, государство тем самым объявляет свободу и права человека неприкосновенными для других. Но для того чтобы охранять права, нужно сначала их определить...

Определение и охранение свободы и прав лица – такова вторая цель государства»⁷⁸.

Многие положения, сформулированные Б. Н. Чичериным, актуальны и ныне, некоторые могут быть предметом современных дискуссий, но с учё-

⁷⁶ Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 3–4.

⁷⁷ Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 7–8.

⁷⁸ Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 11–12.

том одного важного обстоятельства. Известный отечественный правовед в качестве идеальной модели государства рассматривал ограниченную монархию. «Ограниченная монархия, – писал Б. Н. Чичерин, – представляет сочетание монархического начала с аристократическим и демократическим.

В этой политической форме выражается полнота всех элементов государства и гармоническое их сочетание... Идея государства достигает здесь высшего развития...»⁷⁹

Известно, что ныне идея государства получает своё весьма плюралистическое толкование и развитие, далеко выходящее за пределы и ограниченной монархии, и неограниченной «диктатуры пролетариата», как одной из последующих форм применения права государством, возвышающимся над обществом, однако в массовом да и научно-элитарном правосознании продолжают доминировать представления о подобном правоприменительном монополизме государства.

Весьма глубоким и по-современному актуальным является положение о государственном насилии, ограниченном не только правом, но и запрещением насилия в пределах правовой свободы.

Согласно логике размышлений Б. Н. Чичерина, государственно-правовое насилие не только не доминирует в праве, но оно обуславливается прежде всего насилием над правом, над закреплённой правом свободой субъектов.

Правоприменение как государственное насилие есть «отрицание отрицания» правового самоуправства, вторжения того или иного субъекта в сферу свободы других лиц, определяемую действующим правом.

Мера правоприменительного насилия и ненасилия в этом случае определяется, не в последнюю очередь, правовой добродетельностью физических, юридических лиц, представляющей синтез конструктивных правовых интересов субъектов, их правовой культуры, юридической ответственности.

В контексте современных дискуссий о правоприменительной деятельности, насилии, принуждении и, соответственно, о правоприменительном монополизме государства, о правоприменительной многосубъектности весьма актуальны положения, сформулированные Н. М. Коркуновым, который писал: «Как теории врождённых идей был первоначально противопоставлен грубый сенсуализм, все сводивший к внешнему опыту, так и современный реализм в юриспруденции склонён правом признавать лишь то, что опирается на силу внешнего принуждения. ...В этом учении нельзя не видеть крупного заблуждения... принудительность не есть ни основное, ни даже общее свойство правовых явлений... Мы можем себе представить право без принуждения. Если бы общество все состояло из людей святых, принуждение было бы совершенно излишне: каждый бы и так уважал чужое право и выполнял свои обязанности. Но право всё-таки бы существовало, так как для того, чтобы я мог добровольно исполнять свои обязанности и воздать каждому своё, нужно, чтобы было определено, в чём мои обязанности и в чём заключается это «своё» каждого»⁸⁰.

Из данной авторской позиции можно сделать, по крайней мере, два актуальных вывода.

1. Право неуничтожимо, оно существует, будет существовать и приме-

⁷⁹ Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 169–170.

⁸⁰ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб., 2004. С. 96.

няться даже в сообществе «святых людей» или людей «коммунистического завтра», где, как полагали многие социалисты, право и государство исчезнут за ненадобностью.

2. Мера насилия, принуждения в правоприменительной практике относительна. Она определяется конкретным социоисторическим контекстом, соотношением властно-правовых ресурсов тех или иных субъектов. Там, где больше, говоря словами Н. М. Коркунова, «грешников», там необходимо и большее принуждение.

Но, как подчёркивал далее Н. М. Коркунов, «немыслим такой порядок вещей, при котором никто не выполнял бы своей юридической обязанности добровольно, если бы каждого приходилось принуждать к повиновению закону; немыслим потому, что, кто же бы тогда стал принуждать?»⁸¹

Авторскому пониманию сущности, содержания правоприменительной деятельности, её многосубъектности, соотношению в процессе применения права методов принуждения и самостоятельно, внутренне мотивированного правоприменительного поведения, близки многие идеи, положения русского правоведа и одновременно профессора Оксфордского университета П. Г. Виноградова, основанные на глубоком знании не только российского, но и европейского права, многочисленных правовых теорий.

Размышляя о природе права, о правоприменительном принуждении, П. Г. Виноградов писал: «Когда мы говорим о минимуме нравственности и нравственных норм, как о содержании права, мы вводим принцип, которым нередко пользовались для определения природы права, – именно, принцип *принуждения*. Если известный минимум обязанностей считается необходимым для существования общества, то на соблюдении его приходится настаивать во что бы то ни стало, в крайнем случае не останавливаясь далее перед применением силы. Поэтому многие юристы полагают, что право есть принудительная норма поведения, в противоположность этическим нормам поведения, основанным на добровольном подчинении. Хорошая сторона этого разграничения заключается в его простоте и ясности. Является ли оно исчерпывающим, – это другой вопрос, который нам и следует теперь рассмотреть»⁸².

Далее автор анализирует правоприменительную практику, основанную на принуждении и на санкции, в случае неповиновения приказанию против ополчения. Речь прежде всего идёт о применении силы различным образом.

Иногда подобная силовая правоприменительная практика сводится к простому исполнению нормы с участием судебного пристава. Иногда правоприменительный силовой ресурс права используется опосредованно через наказание виновного, посредством возмещения убытков, материального, морального вреда и т.д.

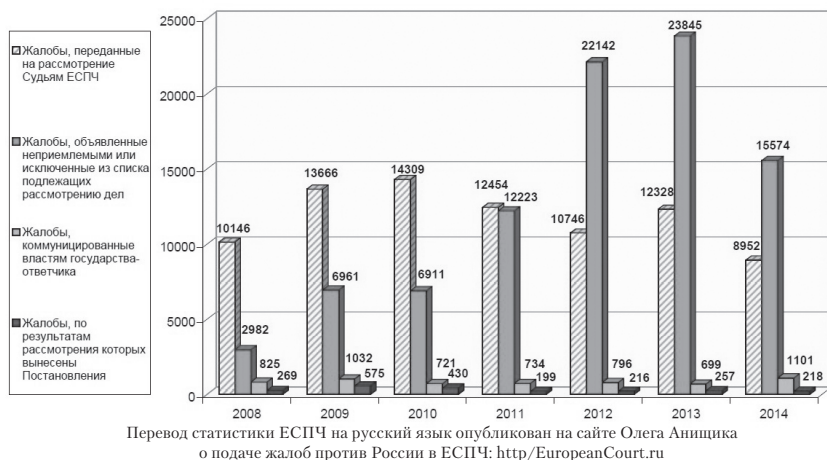
«Раз цель права, – писал П. Г. Виноградов, – состоит в том, чтобы принудить людей к подчинению известным правилам, неизбежно возникает вопрос: кто же будет располагать властью принуждения и кто будет формулировать правила, снабжённые санкцией применения силы? Одно из общепринятых определений права включает в себе попытку ответить на этот вопрос. Определение это гласит: «право есть совокупность правил поведения, устанавливаемых и принудительно осуществляемых суверенной властью»⁸³.

⁸¹ Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 97.

⁸² Виноградов П. Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе. М., 2010. С. 63.

⁸³ Виноградов П. Г. Указ. соч. С. 64.

**ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О РАССМОТРЕНИИ
ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ЖАЛОБ ПРОТИВ РОССИИ В 2008—2014 ГОДАХ**

Известно, что Россия стала тем местом, где данное определение было признано в качестве универсальной аксиомы в досоветский и в советский периоды её развития. Другие определения не признавались или относились к сфере «лженауки».

Стоит заметить, что данное определение, говоря словами П. Г. Виноградова, отличается как простотой и ясностью, так и полезностью с точки зрения носителей государственной власти. Есть понуждаемые к применению силы, и есть те, кого следует понуждать или постоянно держать в страхе по поводу неминуемого принуждения. По сути, сила власти стала ассоциироваться с действием правовых субъектов, с применением права.

Подобный подход к пониманию правоприменительной идеологии, правоприменительной политики, правоприменительной практики доминирует в России и сегодня, демонстрируя неуважение к тем субъектам правовых отношений, которые не обеспечены ресурсами публичной политической, экономической власти и должны нести бремя потенциальной виновности, когда эта виновность определяется не поведением, не поступками человека, а усмотрениями синтетическим субъектом власти и права, как правило, единичным должностным лицом.

Современная Россия вошла в число лидеров по числу обращений граждан в Европейский суд по правам человека (приводим статистику), а также по объёму претензий, предъявляемых Европейским судом к отечественным официальным государственным правоприменителям.

Приведённая статистика – яркая иллюстрация необходимости размышлений и конструктивных дискуссий по поводу правоприменения, его качества и монособъектности.

Но вернёмся к суждениям П. Г. Виноградова. Автор признаёт не только простоту и ясность данного определения права, из которого выводится и определение правоприменительной деятельности и её субъектности, но и полагает, что данное определение адекватно определённым историческим условиям и факторам.

Вывод автора имеет весьма актуальное значение.

«Исторически, – писал П. Г. Виноградов, – это определение исходит из знаменитого учения Гоббса. Гоббс утверждал, что люди по природе своей враждебны друг другу и что первоначальным состоянием человечества было состояние войны каждого против всех остальных. Невыносимые насилие и необеспеченность, связанные с подобным порядком вещей, были устранены тем, что **индивиды полностью отказались от личной свободы действий** (т.е. от своей правоприменительной субъектности. – прим. А. К.) и создали искусственное существо, государство – Левиафан, в организм которого каждый отдельный человек погружён, подобно частице или члену тела, и верховная воля которого управляет с неограниченной властью каждым индивидом»⁸⁴.

Далее П. Г. Виноградов отмечает, что правоприменительная концепция Гоббса во многом предопределялась реалиями исторической эпохи, в которую жил известный философ. На данное обстоятельство следует обратить особое внимание, ибо и правоприменительная идеология и правоприменительная практика – историчны, вне зависимости от того, правится кому-то из исследователей подобная правоприменительная историчность или нет.

В правоприменительной деятельности меняются и сущее и должное.

Вероятно, здесь нет универсальных законов, а в применении права можно лишь выявлять, с той или иной степенью вероятности, определённые тенденции, в пределах крупных исторических периодов.

Развивая тезис об исторической предопределённости правоприменительной концепции Гоббса, центрированной на государство – Левиафан, П. Г. Виноградов писал:

«Гоббс жил в эпоху великой революции семнадцатого столетия, и жестокие перипетии гражданской войны преисполнили его страстным желанием порядка во что бы то ни стало. Лучшим средством обеспечения такого порядка ему представлялось подчинение деспотическому режиму монарха. Но и парламент, облечённый абсолютной властью, мог бы так же удовлетворить вышеприведённому определению. Ведь говорилось же об английском парламенте, что он может сделать всё, что угодно, кроме превращения женщины в мужчину и наоборот. Для разбираемой теории наиболее важным обстоятельством является, следовательно, не способ выработки законов, а то, что самое происхождение норм права объясняется волей лиц, облечённых публичной властью. Учение Гоббса было усвоено Остином и, через посредство Остина, большинством английских юристов. Многие континентальные писатели держались подобно же взгляда. Что же касается обычного права, которое, по общепринятому мнению, вырастает постепенно, на почве общественного мнения, то юристы – последователи Гоббса и Остина – решают этот вопрос, говоря, что обычай, чтобы иметь какое бы то ни было юридическое применение, должен быть признан государством. Когда возражали, что английское общее право (*common law*) в значительной степени создано не прямыми предписаниями правительства, а приговорами судей, то последователи Остина на это ответили видоизменением остиновской формулы: «право – это совокупность правил, признаваемых и принимаемых к исполнению судами». Это видоизменение не меняет, однако, основы разбираемого учения, ибо ясно, что суды обязаны своей повелительной силой государству. Ведь, в конце концов, прямая цель деятельности судей это – применение права и, следовательно, о них нельзя сказать, что они вы-

⁸⁴ Виноградов П. Г. Указ. соч. С. 64–65.

полняют независимые законодательные функции. Определять право, как нечто – вытекающее из их деятельности, было бы похоже на то, как если бы мы определили автомобиль, как экипаж, обычно управляемый шофёром.

Различия между указом абсолютного монарха, статутом, выработанным парламентом, и *юридическим принципом*, формулированным судьями, – различия технические, а не основные; все эти три вида норм вытекают из авторитета верховной власти»⁸⁵.

Идеи Гоббса получили своё концентрированное выражение в правоприменительной идеологии, в правоприменительной политике, в правоприменительной практике государства диктатуры пролетариата.

По сути, рулевым той машины, о которой писал П. Г. Виноградов, стало не государство, а партия («партия наш рулевой»).

Вновь возвращаясь к пониманию права как совокупности правил поведения, устанавливаемых и принудительно осуществляемых суверенной властью, П. Г. Виноградов рассматривает данную теорию на основе конкретных примеров соотношения воли различных субъектов, воли государственных и личных, отмечая при этом, что «воля Кромвеля или Наполеона была равнозначна воле государства, с которой должны были согласоваться все остальные частные воли»⁸⁶.

Этот ряд примеров можно дополнить волей Гитлера, Сталина, других применителей права.

«Следует отметить, – писал П. Г. Виноградов, – что эта теория подходит к праву с чисто формальной его стороны. Она не допускает никакого исследования юридических норм со стороны их внутреннего содержания и совершенно не рассматривает характера той политической власти, которая, согласно допущению, является верховным авторитетом в государстве. Право для неё – это сосуд, который можно наполнить любой жидкостью. Жестокая, несправедливая норма является столь же правомерной, как и наиболее справедливый закон... Слабые пункты этой доктрины заметить нетрудно»⁸⁷.

Но слабые пункты данной правоприменительной доктрины, во многих случаях, не замечаются и поныне, как и не всегда замечаются и используются в конструктивных современных дискуссиях по поводу правоприменения положения П. Г. Виноградова, которые автор детально обосновывает, обращаясь к правоприменительной практике различных народов, стран, в том числе США, Германии, Англии, к правоприменительной деятельности церковью, местными сообществами, профессиональных и иных негосударственных организаций, к практике применения норм международного права.

Завершая часть своих размышлений о правоприменительном принуждении, П. Г. Виноградов писал: «Рассмотрев элемент прямого принуждения в праве, мы, по-видимому, должны прийти к выводу, что хотя обычно этот элемент и имеется налицо, но тем не менее он не является абсолютно необходимым признаком юридической нормы. Мы можем смотреть на него как на наиболее удобное средство вынуждения исполнения закона, но мы не можем усматривать в нём сущности юридических отношений. Очевидно, его приходится дополнять понуждениями, основанными на личном признании и на общественном мнении. Поэтому невозможно заключать право в рамки такого чисто формального

⁸⁵ Виноградов П. Г. Указ. соч. С. 65.

⁸⁶ Виноградов П. Г. Указ. соч. С. 66.

⁸⁷ Виноградов П. Г. Указ. соч. С. 66.

определения, которое рассматривает его просто как ряд повелений, независимо от внутреннего содержания этих последних.

...Закон имеет целью осуществление права и справедливости, хотя в отдельных случаях он, быть может, достигает этой цели весьма несовершенным образом. Если мы упустим из нашего определения этот внутренний признак, для нас окажется весьма трудным провести различие между законом и любым произвольным приказом, касающимся поведения людей... В каждой системе права должно существовать известное равновесие между справедливостью и силой. А из этого следует, что определение права не может быть основано исключительно на понятии государственного принуждения⁸⁸.

В современном понимании, осмыслении правоприменительной практики, как нам представляется, следует расширить объектно-предметное поле категорий «правоприменение», «субъект применения права», в котором целесообразно выделять правоприменительную практику государства, его структур, должностных лиц с применением тех или иных ресурсов принуждения, насилия на основе соответствующего юридического акта и расширяющуюся правоприменительную практику других субъектов юридических отношений, в которых минимизировано или полностью исключено принудительное участие государства.

Как уже отмечалось, так же целесообразно расширить объектно-предметное поле и категории «реализация права», «субъект реализации права». Реализация права включает в себя не только реализацию в тех или иных формах норм текущего законодательства, но и реализацию личностью, государством, институтами гражданского общества, бизнес-структурами правовой идеологии, правовой политики, правовой культуры, универсальных принципов права, в том числе и международного.

В современных российских условиях особую актуальность имеет проблема развития и такой правовой категории, как «правообладатель». В постсоветской России, в других постсоциалистических странах граждане, другие правообладатели, входящие в структуру гражданского общества, получили в своё распоряжение значительные ресурсы права и свобод. Но, к сожалению, не сформировав при этом соответствующие мотивационные ресурсы культуры их реализации. В правовом пространстве современной России нарастает противоречие между субъективными возможностями по реализации прав и свобод личности, других субъектов и дефицитом юридических, да и иных интересов по поводу их инициативного, эффективного использования и культуры правоприменения.

Остро и повсеместно, на всех уровнях проявляется дефицит субъектов права, заинтересованных в инициативной, компетентной, результативной реализации права, причём как с участием соответствующих структур, должностных лиц государства, которые в необходимых случаях применяют методы адекватного принуждения, так и без участия государства на основе свободных договорных отношений.

Один очень примечательный сюжет.

Отвечая на вопрос «Что вы думаете о законопроекте о медиации?», внесённом в Государственную Думу Президентом России, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук В. А. Мусин отмечал: **«Я думаю, что это следует приветствовать.** Почему у нас суды завалены делами? Потому, что по вся-

⁸⁸ Виноградов П. Г. Указ. соч. С. 71–72.

кому поводу, большому или малому, все обращаются в суд и рассчитывают, что суд решит спор.

За границей, в той же Англии, дело обстоит совершенно иначе: там 95 процентов споров решаются в переговорах между юристами спорящих сторон, и до суда доходит процентов 5. И эти 5 процентов уже рассматриваются судом без всякой спешки. Вот почему медиация очень полезна, она будет приучать спорящие стороны вести переговоры и находить компромиссы.

Когда дело решается судом, будь то государственным или третейским, обе стороны не будут в одинаковой степени довольны решением... Медиация помогает найти компромисс и помогает сторонам даже при наличии конфликтующих интересов найдя этот компромисс, остаться партнёрами. Вот почему я считаю, что за ней большое будущее»⁸⁹.

Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)» был принят Государственной Думой 7 июня 2010 года, одобрен Советом Федерации 14 июля 2010 года и вступил в силу с 1 января 2011 года.

Данный закон открывает широкие возможности для предельно демократического использования своих правовых возможностей, связанных с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений⁹⁰.

В данном законе отмечается, что процедура медиации может быть применена при возникновении спора как до обращения в суд или третейский суд, так и после начала судебного разбирательства или третейского разбирательства, в том числе по предложению как самих участников спора, так и по предложению судьи или третейского судьи.

Согласно настоящему федеральному закону, деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе, при этом медиаторами не могут быть лица, замещающие государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы, должности муниципальной службы, если иное не предусмотрено федеральными законами.

Реализация данного федерального закона, с нашей точки зрения, будет способствовать творческому обогащению, развитию соответствующих понятий, отражающих различные формы, методы заинтересованной деятельности субъектов по практическому использованию своих правовых ресурсов.

В контексте современных дискуссий о субъектах реализации права, о правоприменительной деятельности, о деятельности правопользователя, правообладателя и, прежде всего, таких субъектов, как государство и личность, рассматриваемая в качестве члена не только государства, но и цивилизованного гражданского общества, воспроизведём некоторые положения, сформулированные в монографии «Анархия, государство и утопия» Роберта Нозика, идеи которого весьма популярны среди западных исследователей.

⁸⁹ Интервью с членом-корреспондентом РАН, доктором юридических наук В. А. Мусиным // Юрист. 2010. № 5. С. 7.

⁹⁰ Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации)». Статья 1. М., 2011. С. 3.

«Люди обладают правами, и поэтому есть действия, которые не может совершать по отношению к индивиду ни отдельный человек, ни группа лиц (без нарушения этих прав). Так как эти права весьма обширны и строго определены, то возникает вопрос: что могут сделать, если хоть что-то могут, государство и его должностные лица? Какое пространство оставляют права индивида государству? Наши главные выводы относительно государства состоят в том, что оправдано существование только минимального государства, функции которого ограничены узкими рамками – защита от насилия, воровства, мошенничества, обеспечение соблюдения договоров и т.п.; что любое государство с более обширными полномочиями нарушает право человека на личную свободу от принуждения к тем или иным действиям и поэтому не имеет оправдания; что минимальное государство является одновременно и вдохновляющим и справедливым. Из этого следуют два важных вывода: во-первых, государство не должно использовать аппарат принуждения ради того, чтобы заставить одних граждан помогать другим, и, во-вторых, государство не должно запрещать какие-либо виды действий людей ради их блага или их защиты.

Несмотря на тот факт, что такая точка зрения исключает лишь принудительные пути достижения этих благих целей, а добровольные признаёт, многие люди без промедления отвергнут наши выводы, поскольку не хотят принять подобное бесчувственное отношение к нуждам и страданиям других. Я знаком с подобной реакцией; я сам отреагировал точно так же, когда впервые столкнулся с этими взглядами. Но, не без внутреннего сопротивления, в результате размышлений и изучения аргументов, я стал приверженцем этих взглядов, которые теперь принято называть либертарианскими»⁹¹.

Размышления, безусловно, весьма дискуссионны, особенно если их наложить на российский контекст. К тому же, как нам представляется, минимальность государства нельзя ассоциировать с её бессилием, с некачественностью.

Качественно-количественные параметры государства, включая его правовые характеристики, находятся в зависимости от качественно-количественных параметров гражданского общества, его институтов.

Правовая, правоприменительная минимальность государства оправдана в условиях максимальности качественных параметров юридизированных граждан, уровень правовой культуры которых позволяет им реализовывать во благо самостоятельно многие правовые функции за пределами государственно-правового принуждения.

Это, с нашей точки зрения, объективная общецивилизационная тенденция, но проявляется она в каждом социуме по-разному. Со своими особенностями она проявляется и в России, где более актуальны идеи не тотальной минимизации государства, в том числе и в сфере правоприменительного волюнтаризма, в его узаконенном смысле, а демократизации правовых отношений личности, гражданского общества и государства, придания им более партнёрского характера.

Очевидно, что радикализм Нозика обладает минимальными ресурсами применимости в современных правовых системах и основан на весьма дискуссионных субъективных суждениях. Но при любом, даже самом критическом отношении к воззрениям автора, современный исследователь не может

⁹¹ *Нозик Роберт. Анархия, государство и утопия: пер. с англ. М., 2008. С. 11.*

оставить без внимания исходное положение Нозика не только о том, что люди обладают естественными правами, которые они получают не от государства, но прежде всего о том, что люди, индивиды своей волей могут определять, какие из этих прав они оставляют себе и какие передают, делегируют государству.

Рациональное осмысление подобных процедур невозможно в пределах позитивистского правового мышления.

Но подобные процедуры ныне и невозможно игнорировать и выводить за рамки дискуссий, в том числе и теоретико-правовых.

Не государство является, согласно воззрениям Нозика, первичным распределителем правовой, правоприменительной субъектности, а люди принимают решения о том, какие правоприменительные ресурсы оставить в ведении человека, гражданина, а какие, для удобства людей, передать в последующее ведение государства. Но подобные идеи не принадлежат лишь Нозику. Они образуют основание самых разнообразных естественно-правовых концепций, в том числе и современных.

Идеи о генетически первичной правовой, правоприменительной субъектности народа, а не государства, о естественности правовой субъектности человека-гражданина содержатся и в современной Конституции Российской Федерации, к ним мы не раз возвращаемся.

Как нам представляется, идеи правоприменительной многосубъектности представлены в формируемой ныне правовой идеологии, правовой политике российского государства, в правосознании персональных носителей государственной правоприменительной деятельности.

Развитие в новых социоисторических, властно-политических, правовых, научно-мировоззренческих условиях современной России форм, методов, процедур реализации права, мотивированных юридическими, иными интересами личности, государства, институтов гражданского общества, других субъектов права, понимается нами как весьма противоречивый процесс **восстановления естественной правособственности человека-гражданина**, на основе принципов международного права, положений цивилизованных национально-государственных конституций, **совершенствования качества специализированной правоприменительной деятельности государства** как деятельности служебной (в смысле служения человеку и социуму), **развития юридических интересов субъектов рыночных экономических отношений, институтов гражданского общества.**

Это процесс обогащения права как сущего – ресурсами гуманизма, демократизма, правовой справедливости, признаваемой на личностном и социальном уровнях в качестве феноменов аксиологичности.

Стремление к достижению правовых благ правовыми средствами во многом предопределяется местом, статусом, функциями субъектов правовых отношений в конкретных правовых системах.

Субъектность заинтересованной деятельности по реализации права, с нашей точки зрения, следует рассматривать с методологических позиций должного и сущего, в том числе и такого сущего, которое модифицировано конкретными социоисторическими обстоятельствами, логикой, преемственностью развития механизмов воспроизводства норм действующего законодательства.

С нашей точки зрения, современные отечественные правоведы, законодатели должны объединить усилия и на основе содержательных конструктив-

ных дискуссий найти приемлемый вариант отражения в соответствующей терминологии разнообразной, развивающейся практики совершенствования форм, методов активного заинтересованного поведения субъектов по реализации как норм текущего законодательства, так и правовой идеологии, правовой политики, ресурсов правовой компетентности, правовой культуры и преодоления исторически сложившейся иерархизации субъектов правовой деятельности таким образом, что в ней априори доминирует государственное принуждение к праву, а не интерес к активной юридической практике, к борьбе за право своё и наше общее.

В таблице 4 изложены авторские версии ответов на некоторые проблемные вопросы по поводу правовой субъектности, отражающей формально-статусные и деятельностно-процессуальные, поведенческие аспекты заинтересованной реализации права.

Таблица 4

Авторские версии ответов на вопросы по поводу реализации права и её субъектности

п/п	Содержание проблемного вопроса	Авторские версии ответов
1	В какой мере в современных российских условиях корректно феномены применения, соблюдения, использования, исполнения права, обладания правом синтезировать в понятии «реализация права»?	1. Корректно лишь частично. Термин «реализация права» априори предполагает включенность субъекта в реальную правовую деятельность, теоретическую или практическую. Это характеристика мотивированного юридического поведения. Соблюдать право можно и находясь в пассивном правовом состоянии. Термин «правообладатель» отражает лишь статику, место субъекта в правовом поле
2	В какой мере понимание правоприменения как монопольной деятельности государства с использованием ресурсов принуждения отражает реальный современный российский социальный, властно-правовой контекст?	1. Отражает в полной мере контекст российского бытия 20-60-х годов XX века. 2. Современный социальный, экономический, властно-правовой и иной бытийный контекст российского общества не отражает, за исключением, может быть, нескольких территориальных анклавов, где доминирует не право, а административный произвол местных не юридизированных руководителей. 3. В определённой мере подобное понимание государственного правоприменения репрессивно-принудительного уклона характерно для носителей обыденного сознания, сориентированных в решении актуальных острых проблем не на правоприменительные цивилизованные механизмы, а на властный волюнтаризм, на власть силы. 4. В современных российских условиях, в том числе и в сфере теоретического правоведения, целесообразно расширить объектно-предметную область термина «правоприменение» за счёт непринудительных форм, методов, а также распространив его содержание на применение правовой идеологии, правовой политики, правовой компетентности, правовой культуры, других правовых ресурсов личности, государства, других субъектов

3	В какой мере понимание принудительной правоприменительной практики и её отражение в соответствующих понятиях основывается на легитимных доктринально-категориальных положениях, базовых принципах, изложенных в Конституции РФ или в действующем и признаваемом Россией международном праве?	1. Тексты Конституции Российской Федерации, наиболее важные и признаваемые Россией международные нормативные правовые акты не содержат в себе идей, принципов, более конкретных норм и понятий, которые могли бы служить содержательной теоретико-мировоззренческой основой для подобного понимания правоприменения и государственной монополии на правоприменительную деятельность. 2. Более того, в ряде статей Конституции Российской Федерации, в Гражданском кодексе Российской Федерации, во многих других нормативных правовых актах, а также в Посланиях Президента России Федеральному Собранию содержатся положения, образующие достаточно широкую теоретико-мировоззренческую основу для более содержательного современного понимания правоприменительной деятельности и её многосубъектности
4	В рамках какой конкурирующей ныне в отечественном теоретическом правоведении парадигмы (концепции) разработано понятие «правоприменение», обосновывается его содержание?	В рамках отечественной модели властно-правового позитивизма, сложившегося в середине XX века, под непосредственным и доминирующим влиянием социалистической «классово-диктаторной» идеологии
5	Каким образом синтетическое понятие «правоприменение» отражает современные тенденции оптимизации правовых ресурсов личности, государства, гражданского общества, гармонизации их правовых интересов?	Не отражает в полной мере, особенно тенденции развития прав, свобод личности, институтов гражданского общества, что способствует дисбалансу правовых отношений личности, государства, гражданского общества, перегруженности весьма неустойчивого в юридическом смысле российского государства различного рода организационно-принуждающими функциями

Перейдём к конкретизации авторских тезисов, к их аргументации.

В советское время сформировались представления о том, что абсолютным правоприменительным монополизмом обладает классовое государство, являясь единственным субъектом правоприменительной деятельности.

Правоприменительный государственный монополизм обосновывался более широкой социалистической парадигмой государственного властно-управленческого, политического, идеологического монополизма, корреспондировался с безальтернативной концепцией позитивного права – творимого и применяемого классовым, репрессивно ориентированным государством.

В качестве аргументов, безусловно, заслуживающих внимания, выдвигались положения о том, что подобная монополия государства на применение права целесообразна, ибо лишь государство наделено правом применения насилия, принуждения или угрозы подобного применения в случаях нарушения тем или иным субъектом действующих правовых норм. Действительно, если исходить из критериального признака правоприменительной субъектности, связанного с насилием или угрозой насилия по отношению к нарушениям правовых норм, то с рациональной точки зрения многосубъектность в реализации подобной правоприменительной функции приведёт лишь к правоприменительному хаосу со всеми вытекающими отсюда последствиями.

С учётом подобных аргументов постепенно складывались универсальные представления о типологизации субъектов юридических отношений. За государством закрепился монопольный статус – единого, единственного правоприменителя, в отдельную номинацию выделились субъекты правотворчества, а также выделялись субъекты правообладания и субъекты правопользования.

Так сложилась субъектная иерархичность, разностатусность участников юридических отношений.

Вопросы о том, к какой номинации следует отнести заинтересованное поведение субъектов в сфере правовой идеологии, правовой политики, правовой культуры, других феноменов права, были выведены за скобки рассмотрения, ибо они не вписывались в утилитарно понимаемый классовый юридический позитивизм.

«В отечественной юридической науке, – отмечает Ю. А. Тихомиров, – право всегда рассматривалось как способ выражения воли и интересов правящих слоёв и воздействия на сознание и поведение людей. В условиях глубоко централизованной системы власти послушание граждан считалось главным индикатором реализации права»⁹².

Субъектная правовая иерархичность, в том числе, и на категориально-понятийном уровне, сохраняется и в наши дни, получая своё обоснование в научных публикациях, в учебной литературе, в лексике юристов.

С нашей точки зрения, имеют право на развитие иные концептуально-теоретические подходы к категориально-понятийной юридической субъектности, в том числе и с учётом новых представлений по поводу доминант парадигм позитивного, естественного права, иных современных правовых концепций, а также лексической правовой культуры, формируемой в современном цивилизованном сообществе.

Ныне идеи, положения, концепции о наличии в правовом поле феноменов недарованных прав и свобод, естественных природе человека и человечества, признаются большинством теоретиков права, законодателей цивилизованных стран. И если подобные различия в правовой материи существуют и признаются, то вполне обоснованна постановка вопроса о большей вариативности деятельности субъектов в реализации права.

Данная тенденция проявляется и в отношении современного государства, которое отличается ныне своей субъектно-субъективной правовой многогранностью. Современное демократическое государство является не только субъектом законотворчества, формирования правовой идеологии, правовой политики, универсальным применителем права по отношению к другим участникам юридических отношений, но и осваивает статус правопользователя, реализующего в праве свои внутrigосударственные потребности, интересы, цели, в том числе и в качестве работодателя.

Своей вариативностью отличается и современное юридическое поведение личности, которая в своём гражданско-институциональном качестве является субъектом правообладания, субъектом правопользования и одновременно субъектом реализации правовой идеологии, правовой политики, субъектом правоприменительной ненасильственной самостоятельной деятельности на основе прямых договорных партнёрских отношений с другими субъектами права. Приобретая тот или иной статус государственного служащего, личность выполняет в этом качестве и соответствующие юридические функции по применению пра-

⁹² Тихомиров Ю. А. Поведение в обществе и право // Журнал Российского права. 2011. № 2. С. 6.

ва с использованием ресурсов государственного принуждения. Весьма разнообразной является юридическая практика, осуществляемая теми индивидами, которые вовлечены в предпринимательскую деятельность и приобретают статус работодателя. Весьма вариативной становится и практика реализации права, осуществляемая семьёй, профсоюзам, политическими партиями, другими институтами современного гражданского общества.

С нашей точки зрения, в правовом поле проявляется, под воздействием как объективных условий, так и субъективных факторов, тенденция роста, развития форм, методов, моделей правоприменительной практики, вовлечения в неё, наряду с государством, его структурами, должностными лицами, и иных субъектов.

Подобная, объективная по сути, тенденция по-разному проявляется в конкретных правовых системах, оказывая при этом заметное влияние на генезис, воспроизводство юридических интересов, расширение пространства для их реализации. Мы ещё не раз будем обращаться к анализу данных тенденций. А сейчас следует обратить внимание на то, что одним из ключевых условий генезиса правовой многосубъектности выступает развитие прямых юридических отношений субъектов без посредничества государства, осуществляемых в сфере гражданского законодательства, в том числе и российского гражданского законодательства, базовые нормы которого закреплены в Конституции Российской Федерации.

Роль теоретико-методологических ориентиров для обоснования авторских гипотез, положений о развитии правовой полисубъектности выполняют многие положения-нормы Конституции Российской Федерации.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации главным и исходно-субстанциональным, генетически первичным творцом власти, в том числе и юридической, первичным правоприменителем, в самом широком и предельно точном смысле, является российский народ-социум. В статье 3 Конституции записано: «1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ. 2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления»⁹³.

В соответствии с содержанием данных положений определены и конституционно закреплены три субъекта применения власти и соответственно права: 1) многонациональный народ; 2) органы государственной власти; 3) органы местного самоуправления, которые, стоит заметить, в соответствии со статьёй 12 Конституции России не входят в систему органов государственной власти.

В этой и других статьях Главы 1. Основы конституционного строя нет упоминаний о правоприменительном монополизме государства.

В контексте плюрализма по поводу развития правовой многосубъектности следует обратить внимание на текстуальное изложение положений Главы 2. Права и свободы человека и гражданина.

Права и свободы человека в современной Российской Федерации признаются всеми участниками властно-юридических отношений и гарантируются государством. Но термин гарантированности вовсе не означает того, что подобные гарантии реализуются исключительно посредством принудительного правоприменения со стороны государства, его структур и должностных лиц.

⁹³ Конституция Российской Федерации. М., 2009. С. 4

Вероятно, следует поразмышлять о взаимосвязи формулы «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими» и положения о том, что эти права «обеспечиваются правосудием».

Формула о непосредственности действия прав и свобод несколько метафорична. В реальном правоприменительном пространстве действуют не права и свободы, а действующие их реальные носители, в данном случае – люди. И действия эти могут осуществляться без посредников, без участия соответствующих субъектов «со стороны», т.е. человеку Конституцией России предоставлена возможность применять свои права, реализовывать свою свободу автономно, с одним ограничителем – осуществление этих прав согласно статье 17, пункт 3 Конституции «не должно нарушать права и свободы других лиц»⁹⁴.

Но эти права и свободы в тех или иных проблемных ситуациях могут и обеспечиваться правосудием, т.е. обеспечиваться посредством правоприменительной деятельности судебных органов.

В одних случаях человек, гражданин применяет свои неотчуждаемые права и реализует свободы в их юридическом смысле самостоятельно, в других приглашает посредника или посредник проявляет правоприменительную инициативу, когда один гражданин-правоприменитель нарушает права и свободы других лиц.

Примерно так же поступают субъекты, приобретающие и осуществляющие свои гражданские права и обязанности на основе соответствующих прямых договоров.

«Основные функции права как средства социального контроля, – отмечает Г.Л.А. Харт, – проявляются отнюдь не в судебных тяжбах или уголовном преследовании, которые представляют собой существенные, но всё же вспомогательные средства исправления ошибок функционирования системы. Они проявляются в различных способах, которыми право используется для того, чтобы контролировать, управлять и планировать жизнь за дверями суда»⁹⁵.

В современных цивилизованных обществах обладатель права, так же как и обладатель собственности, использует-применяет данные ресурсы в своём интересе и по собственному разумению. В одних условиях обладатель применяет ресурсы права или материальной собственности самостоятельно, в других обращается за соответствующими посредническими услугами к тем или иным субъектам, в том числе и к государству.

Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что в ныне действующей Конституции Российской Федерации, во многих кодексах и прежде всего в Гражданском кодексе Российской Федерации, в ряде федеральных законов получила иную, более современную, более демократическую интерпретацию проблема государственного правоприменительного монополизма, на уровне правовой терминологии просматривается тенденция повышения, изменения субъективного статуса и личности (физического лица), и работодателей, в том числе представляющих частный сегмент хозяйственно-экономической деятельности, и институтов гражданского общества.

В статье 1. Основные начала гражданского законодательства Гражданского кодекса Российской Федерации записано: «1. Гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых

⁹⁴ Конституция Российской Федерации. М., 2009. С. 7.

⁹⁵ Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ. СПб., 2007. С. 48.

им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

2. Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своём интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора»⁹⁶.

Нетрудно заметить, что государство как применитель права представлено в сфере гражданско-правовых отношений лишь как законодатель и как субъект судебной защиты нарушенных прав, во всех других, безусловно, доминирующих, правоотношениях граждане (физические лица), юридические лица являются субъектами свободной деятельности по реализации права, детерминированной не волей государства, а своей волей и своими интересами.

В таблице 5 воспроизведены ряд положений из текста Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Трудового кодекса Российской Федерации, в которых использовано понятие «применение».

Таблица 5

Использование понятия «применение» в ряде нормативных правовых документов Российской Федерации

п/п	Наименование нормативного правового акта	Фрагмент текста, где использовано понятие «применение»
1	Конституция Российской Федерации. Статья 15, пункт 1	Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и <u>применяется</u> на всей территории Российской Федерации
2	Конституция Российской Федерации. Статья 15, пункт 4	Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то <u>применяются</u> правила международного договора
3	Конституция Российской Федерации. Статья 18	Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и <u>применение</u> законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и <u>обеспечиваются</u> правосудием
4	Конституция Российской Федерации. Статья 125, пункт 4	Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, <u>применённого или подлежащего применению</u> в конкретном деле, в порядке, установленном федеральным законом

⁹⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. I, II, III и IV. М., 2009.

5	Конституция Российской Федерации. Статья 125, пункт 6	Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и <u>применению</u>
6	Гражданский кодекс Российской Федерации. Статья 4, пункт 1	Акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и <u>применяются</u> к отношениям, возникающим после введения их в действие
7	Гражданский кодекс Российской Федерации. Статья 5, пункты 1, 2	1. Обычаем делового оборота признаётся сложившееся и широко <u>применяемое</u> в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. 2. Обычай делового оборота, противоречащий обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договору, <u>не применяются</u>
8	Трудовой кодекс Российской Федерации. Статья 8	Работодатель принимает локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права, в пределах своей компетенции в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами, коллективным договором, соглашениями... Локальные нормативные акты, ухудшающие положение работников по сравнению с трудовым законодательством, коллективным договором, соглашениями либо принятые без соблюдения предусмотренного настоящим Кодексом порядка учёта мнения представительного органа работников, являются недействительными. В таких случаях <u>применяются</u> законы или иные нормативные правовые акты, содержащие нормы трудового права

Анализ данных текстуальных фрагментов, а также анализ других ныне действующих нормативных правовых документов федерального уровня показывает, что ни в одном правовом акте законодатель не закрепил монопольный статус государства в сфере правоприменительной деятельности.

Идея о государственном монополизме не реализована в конституциях, других нормативных правовых документах цивилизованных демократических зарубежных стран, она не представлена и в текстах международных правовых документов.

Формулу «применение права» целесообразно рассматривать в одном категориально-понятийном ряду с такими терминами, как «применение власти», «применение культуры», «применение морали», «применение науки».

Учитывая развитие современной правоприменительной практики, целесообразно расширить объектно-предметное пространство, отражаемое понятием «правоприменение», выделяя в структуре правоприменительной деятельности те её виды, которые связаны с принуждением, осуществляются государством, и те, когда эта деятельность по применению правовой идеологии, правовых принципов, норм текущего законодательства самостоятельно осуществляется другими субъектами юридических отношений.

С учётом современного лексического понимания слов «реализация», «применение», «использование» в русском языке, возможны и иные терминологические уточнения, позволяющие продолжить поиск приемлемого терминологического консенсуса представителей различных школ, направлений современного правоведения, с учётом как международной юридической тер-

минологии, так и терминов, уже используемых в современном российском законодательстве.

Осмысление содержания данного терминологического ряда позволяет предположить, что слово «применение» должно сочетаться не с какой-то частью представленных феноменов бытия – права, власти, культуры, морали, науки, а с целостной системой данных феноменов.

Но подобный унифицированный терминоведческий анализ и синтез обуславливает необходимость определённой унификации, хотя бы в пределах социально-гуманитарных наук, значения понятий «реализация», «применение», «использование».

Применение права – это не только властная деятельность соответствующих государственных органов и должностных лиц, призванная оказывать, в необходимых случаях, содействие адресатам правовых норм в реализации принадлежащих им прав и обязанностей, а также осуществлять контроль за данным процессом, но и реализация разнообразных функций в пределах правового поля, в системе юридических отношений.

Применение-реализация права, так же как и применение морали, применение власти, применение культуры, применение иных социальных ресурсов включает в себя множество субъективно-личностных юридических феноменов, таких как юридическая компетентность, правовая культура и т.д.

Формализация правового поля, его очищение от юридической субъективной энергетики, с нашей точки зрения, не способствует целостному теоретико-правовому рассмотрению проблематики реализации, правоприменения, использования правовых ресурсов, выявлению в этой сфере актуальных противоречий.

По своей сути, в широком смысле термин «субъект применения права» аналогичен понятию «субъект реализации права». В данном категориально-понятийном ряду следует рассматривать и понятие «правопользователь», обратив при этом внимание, что в слове «пользователь» несколько занижена инициативно-творческая составляющая поведения субъекта.

Пользователь – пользуется, как правило, уже тем предметом, ресурсом, который создан кем-то. От пользователя требуется лишь соблюдение универсальных правил, процедур, исключающих его самостоятельность.

В настоящем исследовании под субъектами правоприменения понимаются различные физические, юридические лица, государственные органы, институты гражданского общества, участвующие самостоятельно или на кооперативной основе в реализации своих правовых ресурсов.

Модельная система правоприменительной деятельности представлена в таблице 6.

Таблица 6

Модельная система применения правовых ресурсов субъектом права (личностью, семьёй, государством, институтами гражданского общества и т.д.)

п/п	Деятельность по реализации правовых ресурсов	Пространство применения
1	Применение ресурсов правовой доктрины	Социальная, жизненная реальность
2	Применение ресурсов правовой идеологии	Социальная, жизненная реальность

п/п	Деятельность по реализации правовых ресурсов	Пространство применения
3	Применение ресурсов правовой компетентности	Социальная, жизненная реальность
4	Применение ресурсов правовой культуры	Социальная, жизненная реальность
5	Применение правовых информационных ресурсов	Социальная, жизненная реальность
6	Применение ресурсов правового воспитания	Социальная, жизненная реальность
7	Применение ресурсов правового убеждения	Социальная, жизненная реальность
8	Применение ресурсов правового принуждения	Властно-правовая сфера
9	Применение ресурсов правового анализа, прогнозирования, моделирования	Властно-правовая сфера

При разносторонних размышлениях о проблематике развития правовой полисубъектности целесообразно обратить внимание на следующие положения не очень известного ныне отечественного теоретика права В. Н. Лешкова. «Не опека или патронатство государства над частными лицами, а взаимодействие частного с общим составляет задачу общественного права, – писал В. Н. Лешков. – И в пояснение системы этого права должно присоединить, что в решении каждого из его вопросов участвуют и частные лица, и общины или общества, и напоследок государство. Начало делают физические, частные лица, побуждённые своими нуждами и потребностями; и только при необходимости своих средств или побуждений к дальнейшему развитию вопроса, они вызывают содействие обществ и общин, от семьи и рода, до села, города и сословия. Здесь всё совершается усилиями физических и юридических лиц, только под законодательным контролем государства, которое прямо вступает в дело уже тогда, когда самые нужды и средства обществ и лиц юридических окажутся несостоятельными»⁹⁷.

Это было написано в 1858 году. Трудно переоценить актуальность данных положений для современного осмысления проблем правоприменительной деятельности и её субъектности.

Одним из условий развития личности является её вовлечённость в повседневную правовую деятельность, развитие её правовых ресурсов, в том числе и юридических интересов.

Акцент на личностную составляющую разнообразной юридической практики, в том числе и осуществляемой государственными органами, институтами гражданского общества, бизнес-структурами, позволит, с нашей точки зрения, предельно рационально и эффективно использовать преимущества функциональной правовой специализации правовых институциональных образований, существенно повысить качество реализации правовой идеологии, правовой политики, правовой культуры, норм текущего законодательства, повысить демократичность, гуманистичность, аксиологичность права.

Правовая культура может выделять субъективную значимость и роль как конструктивного, так и деструктивного её носителя.

«В структуре и содержании правовой культуры, – отмечает А. И. Гусейнов, – иногда видят только прогрессивные, положительные моменты. В дей-

⁹⁷ Лешков В. Н. Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII века. СПб., 2004. С. 54–55.

ствительности существуют и негативные стороны в правовой жизни. Поэтому мы должны говорить или о позитивных и негативных сторонах правовой культуры, или под правовой культурой подразумевать обе стороны...»⁹⁸

Нетрудно предположить, что тот огромный массив правовых норм, не соответствующих праву и российскому законодательству, о которых шла речь ранее, создавался субъектами правовой компетентности не в интересах теории, а в сугубо практических правоприменительных целях. Эти правовые документы и применялись на практике, причём многие годы. И применялись тоже юридически подготовленными людьми, обладающими соответствующими ресурсами культуры, но, вероятно, специфического типа, что указывает на то, что культура применения права как особый тип правовой культуры имеет достаточно сложную структуру и соответствующие функциональные спецификации, которые и предстоит исследовать.

По мере развития отечественной правовой системы представители различных отраслей юридической науки уделяли повышенное внимание духовным феноменам права, в том числе и правовой культуры.

К сожалению, революционная модернизация начала XX века прервала традицию исследования данной проблематики, начавшуюся формироваться с середины XIX века при активном участии таких известных отечественных правоведов, представителей других социально-гуманитарных наук, философских школ и направлений, как Н.А. Бердяев, А.Д. Градовский, И.А. Ильин, Б.А. Кистяковский, Н.М. Коркунов, И.А. Покровский, Б.Н. Чичерин и др.

В советское время лишь в 70-е годы XX века некоторые правоведы вновь, с иных мировоззренческих, научно-методологических позиций возвращаются к рассмотрению проблематики правовой культуры⁹⁹.

Очередная модернизация всей совокупности социальных отношений, экономических, властно-политических и иных систем 90-х годов XX века также существенно повлияла на интересы исследователей к проблематике правовой культуры, её генезиса, структуры, функций, роли и места в системе правосознания, правотворческой, правоприменительной практики.

Лишь в последние годы вновь появляются научные статьи, монографии, диссертационные исследования, авторы которых анализируют те или иные аспекты бытия правовой культуры¹⁰⁰.

Некоторые авторы весьма плодотворно занимаются исследованием культуры деятельности судей, других применителей права, представляющих современное государство. Следует особо выделить публикации Ю.Г. Арзамасова,

⁹⁸ Гусейнов А.И. Право как феномен культуры. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2007. – С. 38.

⁹⁹ Аграновская И.В. Правовая культура как фактор укрепления социалистического образа жизни. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983; Аграновский Е.В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М., 1988; Кейзеров И.М. Политическая и правовая культура. Методологические проблемы. М., 1983; Никитин А.Ф. Что такое правовая культура? М., 1988; Сальников В.П. Правовая культура и поведение советских граждан (вопросы теории). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1980; Тагунов Е.В. Социалистическая законность и правовая культура; Шишкин В.Д. Правовая культура в условиях социализма // Советское государство и право. 1980, № 6 и др.

¹⁰⁰ Иванников И.А. Концепция правовой культуры. Правоведение. 1998. № 3; Карташов В.Н., Баумова М.Г. Правовая культура: понятие, структуры, функции. Ярославль, 2008; Павленко Е.М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России. М., 2008; Петручак Л.А. Функции правовой культуры // Право и государство: теория и практика. 2009. № 9.

А. С. Бондарева, А. И. Гусейнова, О. В. Орловой, Е. Н. Павленко, Н. Я. Соколова, ряда других авторов.

В этой сфере новые импульсы получают дискуссии о предмете современной правовой культуры, о её структуре, об аксиологических измерителях, о мотивационных детерминантах, о взаимовлиянии культуры применения права и юридических интересов субъектов.

Реализация актуальных проектов и программ формирования современной культуры реализации права предполагает опережающее развитие её теоретико-концептуальных оснований, в том числе и актуализации категориально-понятийного аппарата.

Культура реализации права является сегментом правовой культуры, наряду с культурой правотворчества, компонентом общей культуры, общего культурного поля.

В социально-гуманитарных науках сложился огромный и весьма плюралистический категориально-понятийный аппарат для выражения сущности, содержания, функций культуры, её типологии, других свойств и проявлений.

Весьма плюралистично формируется терминология, выражающая те или иные характерные черты правовой или юридической культуры.

В настоящей работе не ставится задача системного анализа тех или иных точек зрения на содержание базовых терминов, с помощью которых раскрывается, исследуется содержание правовой культуры как реального юридического феномена.

Рассмотрим лишь различные подходы исследователей к пониманию содержания тех понятий правовой культуры, анализ которых необходим для авторского самоопределения в этом сегменте научного знания и субъективного категориально-понятийного плюрализма.

В широком философско-мировоззренческом современном смысле культура есть особое качество творческого мышления и продуктивной практической предметной деятельности.

Типичные выражения – культура земледелия, культура мышления, культура управления, экономическая культура, культура речи – подтверждают обоснованность подобного понимания культуры, её разнообразных проявлений.

В данный категориально-понятийный ряд вписывается и термин «правовая культура».

На этой стадии рассмотрения сущности культуры редко возникают дискуссии по поводу тех или иных терминологических нюансов.

Углубляясь в терминологические дебри, некоторые авторы отделяют правовую культуру от правосознания, другие обосновывают естественно-генетическое место правовой культуры в структуре и «широкого» сознания и сознания более «узкого» – правового или юридического.

С нашей точки зрения, не следует спешить с критикой этих позиций.

Следует определить предварительную точку зрения на феномен правовой культуры, на её предметность и функциональность.

Одни исследователи концентрируют внимание на мыслительном потенциале правовой культуры, на культуре как процессе лишь проектирования, моделирования, предполагаемой, предстоящей практической правотворческой, правоприменительной деятельности. Тогда «профиль» правовой культуры не выходит за пределы правосознания субъекта.

Другие делают акцент на культуре правового «делания», на культуре юридической практической деятельности. В этом случае «невидимая» часть юридической культуры скрыта в оболочке духовного мира субъекта, в том числе его правосознания, а видимая часть проявляется в действиях и результатах, прежде всего в юридических поступках.

С весьма широким мировоззренческо-правовых, конструктивных позиций подходит к пониманию правовой культуры А. Б. Венгерова. Как отмечает автор, «противостоит правовому нигилизму, иным деформациям правосознания такой сложный социальный феномен, как правовая культура.

Правовая культура – многозначная характеристика одной из важнейших сторон жизни общества. Это, конечно, более высокая и ёмкая форма правосознания. Правовая культура характеризует уровень правосознания, включает степень знания права... характеризуется она и интенсивностью убеждений в ценности права...

Если правосознание охватывает только духовную жизнь общества, является только частью общественного сознания, то правовая культура включает в себя как духовные характеристики, так и «материальные» придатки права – юридические учреждения, их организацию, отношения; как роль в обществе права, судебной, нотариальной, арбитражной и иных систем, так и стиль, культуру их работы, отношений с гражданами, защиту их законных интересов, знание и соблюдение законных интересов в обществе; как соотношение правовой культуры с другими системами общей культуры – политической, научной, художественной, так и формы рассмотрения споров в суде, работу законодательных органов и т.п.»¹⁰¹.

Столь широкое, многоуровневое определение правовой культуры весьма сложно использовать в качестве базовой категории для последующего выделения в её структуре культуры реализации права.

Своё видение правовой культуры сформулировано В. М. Сырых. Как отмечает автор, «правовой режим, обеспечивающий надлежащий уровень законности, неукоснительную реализацию права и свобод человека, иных лиц, взаимную ответственность государства и личности, охватывается понятием правовой культуры»¹⁰².

И в этом определении правовая культура предстаёт в качестве весьма разнопланового феномена.

По мнению И. А. Иванникова, структуру правовой культуры образуют: правосознание; право; правовые отношения; законность и правопорядок; правомерная деятельность субъектов; государственно-правовые институты; юридическая наука; юридические акты¹⁰³.

По сути, культурность охватывает все основные элементы правового бытия.

В русле данной исследовательской традиции формирует своё понимание правовой культуры Н. С. Соколова, отмечая, что «понятие «правовая культура» используется для характеристики всей правовой надстройки общества. Она пронизывает само право, правосознание, правовые отношения, законность и правопорядок, законотворческую и правоприменительную,

¹⁰¹ Венгерова А. Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. М., 2002. С. 571–572.

¹⁰² Сырых В. М. Теория государства и права. М., 1998. С. 124.

¹⁰³ Иванников И. А. Концепция правовой культуры // Правоведение, 1998. № 3. С. 14.

а также иную правовую деятельность, всю позитивную юридическую действительность в функционировании и развитии её составных частей»¹⁰⁴.

В Большом юридическом словаре даётся следующее определение правовой культуры: «Правовая культура – система ценностей, правовых идей, убеждений, навыков и стереотипов (правового) поведения, правовых традиций, принятых членами определённой общности (государственной религиозной, этнической) и используемых для регулирования их деятельности и отношений»¹⁰⁵.

Как нам представляется, в данном определении несколько преувеличена идейно-идеологическая составляющая правовой культуры. Предметом дискуссии может быть и то, что в содержание культуры, отличающейся своим творческим началом, включены такие признаки, как навыки, стереотипы, правовые традиции, которые в большей степени относятся не к культуре, а к правовому, правоприменительному профессионализму, к правовой компетентности.

«Вопросы правовой культуры, – пишет С.С. Алексеев, – в последние годы привлекают всё большее внимание... учёных (Л.С. Галесник, Е.А. Лукашева, О.А. Красавчиков, И.Ф. Рябко, А.Я. Сухарев и др.). Причём если первоначально определения правовой культуры были ориентированы главным образом на чисто субъективные элементы – уровень знания и понимания права и т.д. (подобного мнения в своё время придерживался и автор этих строк), то ныне центр тяжести переносится на характеристики правовой культуры как определённого состояния...

Главное же при освещении правовой культуры состоит в том, чтобы связать её с ценностными характеристиками права с существованием и развитием правовых ценностей»¹⁰⁶.

Как нам представляется, правовая культура имеет как аксиологическое, так и онтологическое измерение.

Стоит заметить, что не все исследователи подходят к пониманию правовой культуры с конструктивно-позитивистских позиций.

Размышляя о различных формах правосознания, проявлений правовой культуры, А.Ю. Калинин пишет: «Сказанное позволяет сделать вывод о недопустимости сведения правосознания и правовой культуры только к позитивному отношению к праву. Совершенно верной в этой связи является известная классификация правовой культуры, выделяющая такие её виды, как: правовой идеализм, правовой реализм и правовой нигилизм. Правовой нигилизм, хотя и отрицательное явление, но явление, имеющее статус научного факта, требующего своего научного объяснения»¹⁰⁷.

Можно дискутировать с автором по поводу правового идеализма, правового реализма, правового нигилизма, отнесённых к различным типам правовой культуры, ибо данные феномены явно не умещаются в пространстве правовой культуры. Но сам подход к правовой культуре как феномену

¹⁰⁴ Соколова Н.С. Правосознание, правовая культура и правовое воспитание. В кн.: Проблемы общей теории права и государства: учеб. для вузов. М., 2006. С. 406.

¹⁰⁵ Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2009. С. 571.

¹⁰⁶ Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 151–152.

¹⁰⁷ Калинин А.Ю. Дефекты правообразования и соотношение внутреннего источника права с понятиями «правосознание», «правовая культура» // Право и государство. 2009, № 6. С. 128.

и правовой позитивности и правовой негативности заслуживает внимания и разностороннего осмысления, особенно в условиях тотальной интеллектуализации, профессионализации преступной деятельности, в том числе и злоупотребления правом.

Культура применения права «пришла» и в этот сегмент правовой реальности.

Использование, применение права в корыстных, в преступных целях, если подобная деятельность отличается высоким качеством, креативностью и порождает значимые для субъектов ценности, вероятно, также следует отнести к номинации культуры реализации права, но социально и юридически деструктивной, или вводить в общепринятый научный оборот понятие «юридическая антикультура».

Определённый импульс для современного осмысления феноменов культуры реализации права имеют размышления И. В. Лесковой. «В связи с коэволюционным пониманием взаимодействия личности, культуры и общества, – пишет автор, – необходимо и новое понимание процесса формирования правовой культуры. Данный процесс будет пониматься и как форма овладения правовой информацией, и как процесс вхождения индивида в общество через правовое обучение и воспитание. Целью процесса формирования правовой культуры будет являться установление такой взаимосвязи между личностью и обществом, при которой личность служит источником правотворческой деятельности, а общество – гарантом сохранения его прав и свобод, его индивидуальности, самобытности, его «Я»»¹⁰⁸.

Обратим внимание на цель процесса формирования правовой культуры. Нетрудно понять, что автор придерживается правового персонцентризма, порывая с доминантами классического юридического позитивизма, централизованного на государство и на его бюрократию.

«Правовая культура, – отмечает О. Л. Богинич, – это феномен сознания, который имеет под собой историческую почву, и только тогда, когда она становится собственным убеждением определённого индивида, на неё можно положиться как на основу правомерного поведения. В свою очередь, для большинства граждан правовая культура становится доминантой собственного поведения только в случае, когда она определяется существующей правовой реальностью, зависящей от способов обмена материальными благами.

Если доминирующая форма обмена материальными благами – это применение права силы как в открытом, так и завуалированном виде... то весьма тяжело надеяться на уважение к праву... В случае же, когда отношения обмена как равноправных и справедливых, а противоположное – исключение, только тогда можно говорить о правовой культуре как основе правомерного поведения»¹⁰⁹.

«Правовая культура субъектов права, – пишет А. С. Бондарев, – имеет двустороннюю структуру, что определяется двусторонностью права (право объективное и право субъективное). Право объективное лежит в основе общей части, а право субъективное – в основе статусно-ролевой части правовой культуры субъектов права»¹¹⁰.

¹⁰⁸ Лескова И. В. Социокультурная идентичность и правовое воспитание личности // Государство и право. 2007, № 4. С. 95.

¹⁰⁹ Богинич О. Л. Генезис права как права силы // Российский юридический журнал. 2010, № 5. С. 31-32.

¹¹⁰ Бондарев А. С. Структура общей части правовой культуры субъектов права // Российский юридический журнал. 2010, № 3. С. 7.

«Применяемый нами социокультурный подход, – пишет А.И. Гусейнов, – позволяет рассматривать правовую культуру как процесс и результат творчества человека в сфере права, характеризующийся созданием и утверждением правовых ценностей и норм»¹¹¹.

«На наш взгляд, – отмечает Ю. А. Рузавин, – состав правовой культуры можно определить как совокупность следующих категорий: правовой менталитет; правовое сознание; правовая деятельность; правовые акты»¹¹².

В исследовании феноменов правовой культуры стремление к объёмности понятия «правовая культура» сочетается с его фрагментацией. Многие авторы выводят из данного родового термина многочисленные более частые понятия, или понятия более частного уровня.

Так, Е.М. Павленко использует и обосновывает содержание понятия «культура прав человека»¹¹³.

С нашей точки зрения, в своих наиболее универсальных модусах правовая культура, так же как и экономическая, политическая культура, представляет собой естественно-аналитический синтез особых спецификаций духа и практического профильного поведения личности в сфере правотворчества, в пространстве реализации права.

Соответственно, **культура реализации права представляет собой синтез правовых потребностей, интересов и ценностей, сконцентрированных субъектом для качественного творческого выполнения практических юридических функций.**

Культура реализации права отличается своей массовой и весьма разнообразной субъектностью. Данный тип правовой культуры рассредоточен среди граждан, самостоятельно участвующих в инициативной деятельности по реализации своих правовых капиталов, среди различных юридических лиц, представляющих институты гражданского общества, структуры бизнеса, среди должностных лиц государства, участвующих в правоприменительной деятельности на профессионально-служебной основе.

Субъект культуры данного типа, как правило, концентрирует свои интересы на побудительных мотивационных ресурсах для успешной юридической деятельности, на поиске и использовании наиболее эффективных механизмов, форм, методов тех или иных правовых ресурсов – правовой идеологии, правовых принципов, правовых норм-предписаний. Продуктом культуры реализации права выступают разнообразные изменения в правовом поле и за его пределами, возникающие под непосредственным или опосредованным её воздействием.

В культуре реализации права акцент делается на её коммуникативной составляющей. И в этом смысле **культура реализации права характеризуется своей процессуальностью.**

В данной культурной процессуальности следует выделять и анализировать два взаимосвязанных этапа – процесс культуры мышления по поводу заинтересованной деятельности в том или ином жизненном, ситуационном

¹¹¹ Гусейнов А.И. Право как феномен культуры. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 37.

¹¹² Рузавин Ю.А. Проблемы соотношения категорий правового менталитета и правосознания в рамках структуры правовой культуры // Право и государство: теория и практика. 2009, № 1. С. 12.

¹¹³ Павленко Е.М. Формирование культуры прав человека и конституционного правосознания в современной России. М., 2008.

контексте и процесс культурной технологизированной деятельности по реализации права.

Процессуально-деятельностное начало культуры применения права – существенный признак, отличающий её от других типов правовой культуры, где нередко доминируют ценности культурной созерцательности правового бытия и его оценочной рефлексии.

С нашей точки зрения, культура реализации права должна отличаться **качеством и креативностью** юридической деятельности. Рутинную стандартизированную деятельность по реализации права вряд ли следует относить к статусу культурной деятельности, даже если она в меру рациональна.

Другим признаком культуры реализации права является её результативность-продуктивность. Культура как деятельность конкретного субъекта права – физического, юридического лица, государства, его структур, институтов гражданского общества – воспроизводит, должна воспроизводить, прежде всего, юридически, социально, нравственно значимые феномены, суть которых представлена, выражена в принципах действующего права, норм универсальной морали.

Культура реализации права по своей социально значимой, корпоративно значимой, лично значимой результативности должна быть более конкурентоспособна в сравнении с докультурными, с внекультурными моделями поведения субъектов в процессе реализации права, иначе теряется ценность данной культуры, и её место может, к примеру, занять правоприменительное хамство.

Культура реализации права есть предельно адекватная рефлексия правовых ресурсов в целях их творческого использования для достижения максимально значимых результатов.

В этом определении выделены три сущностных признака культуры реализации права.

Культура мышления, рефлексии тех правовых явлений, процессов, тенденций, противоречий и т.д., которые могут повлиять тем или иным образом и на культуру деятельности по реализации норм права и на её результативность. Ядро данной культуры образуют, с нашей точки зрения, логическая культура, доминанты креативности, мышления, интуиция. Современные юридические отношения отличаются полисубъектностью, диалогичностью, во многих случаях они представляют собой напряжённую интеллектуальную конкурентную борьбу, в которой стороны этих отношений должны отличаться умением обосновывать свои позиции, оперировать фактами, демонстрировать своё глубокое понимание не только содержания правовых предписаний, но и духа права, его смысла. Культура юридического мышления как компонент культуры реализации права особенно значима в сфере гражданско-правовых отношений без участия третьих сторон, в том числе и государства.

Классический пример – анализ субъектами правового поведения содержания, смысла Статьи 1210. Выбор права сторонами договора Гражданского кодекса Российской Федерации, где записано: «1. Стороны договора могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору. Выбранное сторонами право применяется к возникновению и прекращению права собственности и иных вещных прав на движимое

имущество без ущерба для прав третьих лиц...»¹¹⁴, а также Статьи 1211. Право, подлежащее применению к договору при отсутствии соглашения сторон о выборе права Гражданского кодекса¹¹⁵.

Не обладая соответствующей культурой юридического мышления, субъект, участвующий в реализации данных норм права, вряд ли глубоко осознаёт их смысл, а также будет способен выбрать наиболее оптимальный вариант права, который следует применять в том или ином конкретном случае.

Культура юридического мышления необходима при реализации многих норм семейного, трудового, таможенного, других отраслей права, пенсионного законодательства.

Сущностным признаком культуры реализации права является **культура поведения, стиль деятельности субъектов юридических коммуникаций**.

В ныне действующем законодательстве определены некоторые модельные ориентиры адекватного поведения различных правоприменителей. Так, в Статье 5. Применение семейного законодательства и гражданского законодательства к семейным отношениям по аналогии Семейного кодекса Российской Федерации записано, что если отношения между членами семьи не урегулированы семейным законодательством, соглашением сторон, нормами гражданского права, то «права и обязанности членов семьи определяются исходя из общих начал и принципов семейного или гражданского права (аналогии права), а также принципов гуманности, разумности и справедливости»¹¹⁶. С нашей точки зрения, реализация данных принципов вряд ли возможна за пределами культуры юридического поведения, ибо недостаточно знать, что такое гуманность, разумность, справедливость в юридическом смысле, нужно обладать особым тактом их применения в самых разнообразных, далеко не типичных случаях. Подобный такт как признак культуры необходим в любых юридических коммуникациях, в том числе осуществляемых между профессиональными применителями конкретных норм законодательства и гражданами.

Для субъекта культуры реализации права характерно **поведенческое творчество**.

Принято считать, что юридический нормативизм до предела сужает возможности судьи, прокурора, государственного чиновника, работодателя, других правоприменителей для проявлений творчества. На самом деле в любом юридическом процессе имеются возможности для творческой самореализации, не выходя за пределы соответствующих стандартов, регламентов, предписаний, всегда есть выбор между менее творческим и более творческим поведением.

В качестве признака культуры реализации права следует рассматривать и её **результативность**.

Своеобразным произведением данной культуры выступает, с нашей точки зрения, достижение максимальной гармонизации интересов сторон конкретных участников правоприменительных отношений, их удовлетворённость результатами правоприменительной практики.

Правовая культура возвышает личность в праве, она призвана способствовать установлению баланса между самобытной личностью и юридиче-

¹¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации. М., 2009. С. 340.

¹¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации. М., 2009. С. 340–341.

¹¹⁶ Семейный кодекс Российской Федерации. Статья 5. М., 2009. С. 5.

ски полноценным государством (обществом), способным стать гарантом сохранения её прав и свобод.

Но это возвышение и аксиологично и онтологично. Оно может пониматься, оцениваться в системе как конструктивных, так и деструктивных координат.

Правовая культурность может выделять субъективную значимость и роль как конструктивного, так и деструктивного её носителя.

«В структуре и содержании правовой культуры, – отмечает А. И. Гусейнов, – иногда видят только прогрессивные, положительные моменты. В действительности существуют и негативные стороны в правовой жизни. Поэтому мы должны говорить или о позитивных и негативных сторонах правовой культуры, или под правовой культурой подразумевать обе стороны...»¹¹⁷

Как нам представляется, речь должна идти о двух типах правовой культуры – о конструктивной правовой культуре и деструктивной правовой культуре. Особую актуальность имеет данная типология для сферы юридической практики, где деструктивный потенциал правовой культуры, выступая компонентом злоупотребления правом, других форм противоправного поведения, может существенно усиливать негативные последствия подобной практики и одновременно осложнять процедуры её своевременного диагностирования.

Это актуальнейшая проблема для современной России, поражённой коррупционными сетями, во главе которых нередко стоят носители правовой культуры негативного типа.

Большинство исследователей культуры, в том числе и её классических типов (экономической, политической, нравственной, правовой и т.д.), так или иначе рассматривают соотношение понятий «культура» и «компетентность». Подобное рассмотрение актуально и для более системного анализа сущности, проявлений, развития культуры реализации права.

Компетентность и культура реализации права соотносятся друг с другом весьма вариативно в пределах отношений взаимовлияния различного типа и направленности. Характер этих связей в определённой степени зависит от трактовки понятия «юридическая компетентность».

В рамках традиционной парадигмы профессионализма компетентность ассоциируется с совокупностью соответствующих знаний, умений, навыков (так называемая ЗУНовская парадигма).

Большинство современных исследователей предпочитают использовать более комплексное понятие компетентности, содержание которой определяется не только совокупностью специализированных знаний, умений, навыков, но некоторыми характерологическими ресурсами, а также высокой степенью результативности деятельности, её адекватной внутренней мотивированностью.

С нашей точки зрения, культура реализации права характеризует высший уровень правовой компетентности.

Мера культуры в структуре юридической компетентности судьи, министерского чиновника, бизнесмена, руководителя общественной организации, других субъектов реализации права придаёт данной компетентности большую инновационность при принятии и реализации соответствующих решений, повышая результативность юридической деятельности.

¹¹⁷ Гусейнов А.И. Право как феномен культуры. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 38.

Но культура реализации права, представляющая собой диалектический синтез культуры правового мышления и культуры практической юридической деятельности, не уместается в предметном пространстве компетентной юридической деятельности. Ресурсы данной культуры непосредственно или опосредованно влияют на все компоненты правосознания, на аксиологические измерения права, на всю совокупность потребностей, интересов, ценностных установок субъектов правовых отношений.

В большинстве случаев капитал культуры реализации права, причём как конструктивной, так и деструктивной, используется и за пределами юридической практики, воздействуя тем или иным образом на качество, на стиль самых разнообразных социокоммуникативных отношений.

Как нам представляется, большего внимания исследователей требуют проблемы выработки критериев отнесения культуры реализации права к конструктивному типу. Речь должна идти о её ценностном измерении.

Очевидно, что таким измерителем конструктивной культуры реализации права является социально значимое благо, достижению которого способствует данная культура.

Содержательные свойства культуры реализации права конструктивного типа определяют и её функции.

В контексте настоящего предмета исследования следует особо выделить функцию конструктивной культуры реализации права, которая оказывает опосредованное и непосредственное воздействие на воспроизводство, актуализацию и реализацию юридических интересов, на их возвышение и гуманизацию.

Во взаимосвязанном, во взаимообуславливающем бытии юридических интересов и культуры реализации права можно выделить два своеобразных потока влияния.

С одной стороны, правовые потребности, юридические интересы субъектов воздействуют на процессы развития культуры реализации права. С другой – само обогащение культуры данного типа (профессиональной и непрофессиональной) обуславливает своеобразное возвышение, обогащение, гуманизацию юридических интересов.

Синхронная цикличность подобных процессов взаимовлияния, как нам представляется, образует весьма позитивную тенденцию в отечественном современном правовом пространстве, в основе которой находятся осознанные ценности юридизации личности, особенно социально, профессионально активной, понимающей, что синтез заинтересованности в юридической практике и высокой культуры применения права создаёт предельно благоприятные возможности для жизненной самореализации, для карьерного, профессионального развития, в пределах цивилизованного права, без злоупотребления правовыми ресурсами и без участия в коррупционных отношениях.

Безусловно, эта тенденция встречает на своём пути огромное число преград, причём не только правового, но и властно-политического, экономического и иного свойства.

Жить по праву в современной России оказывается непростым занятием.

В этих условиях необходимо и на уровне общественного сознания, и в сфере юридической многосубъектной практики формировать высокий аксиологический, имиджевый статус личности как носителя синтетических ресурсов развитых юридических интересов и адекватной культуры реализации

права. Массовые ростки подобного синтеза, особенно среди российской молодежи, в том числе и имеющей юридическое образование, как нам представляется, мотивируют определённую неудовлетворённость качеством основного и дополнительного юридического образования, которое сориентировано прежде всего на знаниево-мировоззренческую составляющую, а не на формирование мотивационных ресурсов эффективной, качественной, высококультурной юридической деятельности.

Аксиологическая значимость культуры реализации права, как нам представляется, корректирует наши традиционные представления об элитарном характере юридического образования.

Реализация идей массовой юридикации населения как первичного условия формирования правового государства и аналогичного гражданского общества предполагают и иной стандарт юридической образованности населения.

В развитии юридического образования следует видеть две составляющие – образование для себя, для собственной юридической самостоятельности и ценности, в том числе и в сфере бизнеса, доминирующих рыночно-договорных отношений, и образование в интересах государства. Очевидно, что эти интересы не всегда совпадают.

Государство заинтересовано готовить столько профессиональных применителей права, сколько необходимо для реализации собственно государственных правоприменительных функций.

Личность может исходить из иных образовательных, жизненных, карьерно-профессиональных интересов, не обязательно связывая наличие юридического образования и последующую профессиональную юридическую деятельность. На личностном уровне, или на уровне семейных ценностей юридическая образованность ассоциируется часто с очень ценным жизненным капиталом, который успешно, результативно применяется во всех сферах жизнедеятельности – от юридических отношений с ЖКХ до самостоятельного разрешения коллизий в сфере кредитных, налоговых, страховых и иных отношений.

Современная культура реализации права выполняет важную воспитательную, социально-гуманитарную функцию. Её уровень, степень распространённости оказывают положительное воздействие на общественное сознание, усиливают ценностный потенциал права, позитивно влияют на социальный статус, на авторитет законодательной, судебной, исполнительной власти, на авторитет конкретных правоприменителей.

Культура реализации права выполняет функцию мотиватора интереса к современной цивилизованной и результативной юридической деятельности, к формированию, развитию адекватной компетентности, активной правовой позиции.

Массовая культура применения права сужает сферу правового произвола, насилия, различных форм злоупотребления правом, одновременно способствуя расширению пространства досудебной правовой конкуренции сторон, особенно в сфере гражданского, трудового, семейного права, реализации принципа состязательности и равноправия сторон в системе арбитражного судопроизводства.

Весьма актуальной функцией культуры реализации права, в том числе и профессиональными применителями права, действующими от имени государства, является в современной России её корректирующее воздействие на оптимизацию личных корпоративных, государственных, социально-общественных юридических интересов, на коррекцию чрезмерных притязаний

ний отдельных субъектов по поводу тех или иных правовых предпочтений, нарушений принципа равенства перед законом и судом.

Сформировавшаяся культура или бескультурье субъекта оказывают непосредственное и опосредованное воздействие не только на активность по реализации права деятельности, но и на её компетентность, на культуру применения права, причём как конкретных правовых норм, так и принципов права, правовой идеологии, правовой политики.

Авторское видение культуры реализации права и правоприменительной компетентности основывается на аналогичном видении содержания базовых понятий «правовая культура», «правовая компетентность», их взаимосвязи с понятием «правовой интерес».

Во многих случаях в определении правовой культуры, правовой компетентности акцент делается на их знаниевую доминанту. Правовая компетентность, да и правовая культура ассоциируются с совокупностью соответствующих знаний, умений, навыков. Действительно, юридические (в определённой мере социально-гуманитарные), знания, юридический опыт, юридические практические навыки образуют надёжное основание правовой компетентности и правовой культуры.

Особо актуальна знаниевая составляющая в **культуре правотворчества**, в интеллектуально-практической деятельности по разработке правовой идеологии, правовой политики, по обоснованию универсальных принципов права, по разработке конкретных нормативных правовых документов.

С нашей точки зрения, в самых разнообразных феноменах правового бытия субъектов, выражаемых понятием «правовая культура», следует выделять её **общемировоззренческие компоненты**, отражающие понимание субъектом содержания права, его места в системе социальных регуляций, его аксиологический, гуманистический статус, подсистему **культуры правотворчества**, представляющую собой процессы соучастия культурных ресурсов того или иного субъекта в формировании правовых концепций, правовой идеологии, правовой политики, в подготовке конкретных правовых документов текущего характера, **культуру реализации права**, выражаемую в использовании профильных ресурсов культуры-культурности в процессе практической деятельности по реализации права, в том числе и реализации правовых концепций, правовой идеологии, правовой политики, самых разнообразных нормативных правовых документов.

В культуре реализации права в качестве мотивационных ресурсов широко представлены самые разнообразные юридические интересы, которые придают ей устойчивость, определённую интенсивность, влияют на выбор предметной сферы реализации.

Как нам представляется, в сфере реализации права важным, актуальным свойством и культуры и компетентности субъектов выступает их аксиологичность, среди детерминационных оснований которой особо выделяется потенциал субъективной заинтересованности.

Речь может идти об определённой тенденции взаимообуславливания юридических интересов и качества, креативности конкретной деятельности по реализации права.

С одной стороны, потенциал юридических интересов обуславливает развитие компетентности и культуры применения права. С другой – высокий уровень компетентности и культуры применения права оказывает комплексное влияние на развитие потенциала юридических интересов.

Компетентность и культура, с нашей точки зрения, выступают важнейшими признаками заинтересованной юридической деятельности личности, тех или иных сообществ.

Понятия «компетентность в реализации права», «культура реализации права» применимы и к характеристике правоприменительных ресурсов государства, институтов гражданского общества, бизнес-структур.

Разработка данных понятий, выявление их содержания имеют актуальное и теоретическое и практическое значение, особенно для современного российского социума, сориентированного на качество правовой материи, на формирование качественного правового государства, сущностным свойством которого, с нашей точки зрения, является прежде всего массовая заинтересованность в практическом применении качественных правовых ресурсов, компетентность и высокая культура реализации права.

В монографиях, в учебниках, в иных как научных, так и других публикациях по правовой проблематике достаточно широко представлены точки зрения, аргументы авторов по поводу аксиологии права. Доминируют позитивные размышления о ценностях права, и это в целом соответствует реальной значимости правовых ресурсов в жизненном мире и индивидуумов и различных сообществ. Но, как нам представляется, нередко подобная аксиологичность права видится из исследовательского кабинета, рассматривается в горизонте не реального, а должного.

В идеальном жизненном мире, создаваемом исследовательским воображением, к абсолютно аксиологическим правовым феноменам относятся, к примеру, закреплённые в Конституции Российской Федерации такие положения-нормы, как: «Статья 18. Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими», «Статья 19. Все равны перед законом и судом», «Статья 21. Достоинство личности охраняется государством», «Статья 42. Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причинённого его здоровью или имуществу экологическим правонарушением». Но в современной жизненной, социальной, правовой реальности аксиологичность этих и многих других феноменов не абсолютна.

Если у субъекта правовых отношений сформировалась культура заинтересованной, активной правоприменительной позиции, личностной ответственности, именно это будет способствовать актуализации, развитию гуманистического потенциала, а в конечном счёте и жизненной успешности. Тогда право становится основой культуры жизнедеятельности.

Но на пути к обоснованию данного положения, которое может казаться слишком оптимистическим, следует обратить внимание на размышления тех правоведов, которые смотрят на правовую аксиологию с менее оптимистических позиций.

В дискуссиях о правовой аксиологии весьма актуальны размышления О.Э. Лейста, в которых он затрагивает проблематику развития ценностей права в рамках социалистического правоведения, когда исследование «ценности права» вытеснялось нередко проблематикой изучения правовой результативности. Автор писал: «Попытки отдельных авторов отстоять и развить... идею «ценности» (тождественной полезности) вызывали... большие нарекания. Не привела к заметному успеху и попытка сконструировать промежуточное понятие «инструментальная ценность» правовых норм.

Не случайно научной общественностью была сочувственно встречена аннотированная в ИНИОН (Институт научной информации по общественным наукам РАН) статья болгарского учёного В. Вылканова, отметившего ряд отрицательных черт права и связанных с правом побочных явлений.

Право как система норм имеет тенденцию к нарастающему расширению, поскольку каждая правовая норма, решая одни вопросы, порождает другие вопросы, для решения которых требуются новые правовые нормы.

Чрезмерное расширение сферы действия права и связанного с ним государственного принуждения ведёт к обесценению последнего... Как и всякий внешний регулятор, право порождает отчуждённое к нему отношение, конформизм, снижает чувство личной ответственности, унифицирует людей. Оно противопоставляет людей как истцов и ответчиков, управомоченных и обязанных. Культивируя государственное принуждение, право культивирует принуждение вообще...

В заключение, – пишет О. Э. Лейст, – автор отмечает, что право является средством регулирования общественных отношений, имеющим исключительно высокую социальную полезность и безусловно необходимым на нынешнем этапе развития общества»¹¹⁸.

Работа, на которую ссылается и фрагменты которой воспроизводит О. Э. Лейст, была опубликована в Болгарии в 1980 году.

Воспроизведя данные положения болгарского исследователя, О. Э. Лейст пишет далее: «...правовые нормы необходимы, многие из них полезны, эффективны, справедливы; однако ещё древние не без оснований утверждали: *Summum jus, summa iniuria* (чрезмерно точное следование праву порождает наивысшую несправедливость). Проблема ценностей правовых норм усложняется ещё и тем, что ценность не является общепринятым масштабом, ибо зависит от идеологии»¹¹⁹.

Размышления известного отечественного правоведа не потеряли своей современной актуальности, в том числе и при рассмотрении аксиологического содержания заинтересованной юридической деятельности (деятельности в своём интересе).

Любая ценность формируется на основе сложившихся значимых для субъекта универсалий (красоты, богатства, справедливости и т.д.). Подобные универсалии, естественно, формируются под воздействием и идеологии, но не только её, даже когда речь идёт о праве, о тех или иных правовых феноменах. В становлении ценностных универсалий ключевую роль, с нашей точки зрения, имеют ментальные, социокультурные ресурсы.

Применительно к праву его аксиологические универсалии, степень их укорененности в сознании субъектов предопределяются прежде всего **культурой права**, в её понимании как культуры творения права, культуры применения права, культуры отношения к носителям права.

Право ценимо, прежде всего, как образец культуры.

Если юридический интерес и основанная на нём заинтересованная деятельность по реализации права отличаются признаками, эталонами культуры-культурности, то данные феномены обладают капиталом реальной или потенциальной ценности как для их субъектов, так и для тех, кто проводит их внешнюю аксиологическую экспертизу.

¹¹⁸ Лейст О. Э. Указ. соч. С. 224–225.

¹¹⁹ Лейст О. Э. Указ. соч. С. 225.

Культура и нравственность, а не идеология доминируют в системе детерминант, определяющих аксиологичность как самих юридических интересов, так и моделей, механизмов их реализации. Идеология значима, а иногда и доминирует в детерминационной структуре данного типа, но лишь тогда, когда подменяет собой и культуру и нравственность.

Не универсальна и не тотальна связь права и принуждения, которое действительно снижает аксиологический потенциал права, о чём писал болгарский автор. Право вообще не культивирует принуждение, принуждение может культивироваться в тех системах права, в которых субъекты его создания и применения заинтересованы в доминантах принуждения. Естественное право, естественное в смысле «отвечающее базовым потребностям, интересам, ценностным установкам его создателей», сориентировано на обеспечение их свободного саморазвития. Принуждение есть способ обеспечения, защиты правовой свободы правовыми средствами, и в этом понимании оно обладает социально значимой ценностью.

В аксиологическом-сущностном смысле право не противопоставляет, как писал болгарский автор, истцов и ответчиков, оно противопоставляет тех, кто следует праву и кто это право нарушает. Ответчик в качественных правовых, правоприменительных системах создаёт себя как ответчика сам, своими действиями. Вероятно, злостный неплательщик алиментов может предельно низко оценивать аксиологичность норм действующего Семейного кодекса, но эта негативная оценка может многократно перекрываться позитивной оценкой аксиологичности норм Семейного кодекса теми, кто нуждается в материальных ресурсах и должен получить их по праву.

Аксиологичность любой правовой системы, любого нормативного правового акта представляет собой суммативный синтез их восприятия, ценностного измерения различными субъектами правовых отношений.

Культура правоприменения зависит от юридических интересов, основанной на них деятельности по реализации права.

С нашей точки зрения, юридический интерес аксиологичен даже в статусе «вещи в себе», как потенция правосознания. При этом следует учитывать его предмет, целевые ориентиры. Очевидно, что конструктивные юридические интересы, даже будучи компонентами правосознания, находясь за пределами юридической практики, обладают ценностным ресурсом для их носителей.

Определённой аксиологичностью субъективного класса обладают и деструктивные юридические интересы, формируемые в структуре аналогичного правосознания субъекта, как предпосылка для деструктивной деятельности в правовом пространстве.

Юридическая практика, инициативное, результативное участие не только государства, его структур, должностных лиц, но и населения в инициативной правоприменительной деятельности – одно из ключевых условий развития аксиологического потенциала конструктивных юридических интересов, а в конечном итоге и аксиологичности действующей правовой системы.

Проблематика дискуссий по поводу аксиологии права, аксиологического потенциала конкретных правовых систем неисчерпаема и многогранна, многогранна и проблематика дискуссий по поводу ценностного содержания различных типов заинтересованной правоприменительной

деятельности субъектов правовых отношений. В подтверждение данного тезиса вновь обратимся к размышлениям О. Э. Лейста, который писал: «Авторитетность права редко основывается на массовом признании его ценности и почтении к нему. Никто не любит право в целом – люди испытывают высокое уважение к своим правам (почти всегда считая их недостаточными), признают вынужденную необходимость выполнения многих обязанностей, относятся к ряду запретов как к досадной помехе, но опасаются их нарушать. Право, призванное по его социальной роли предупреждать и пресекать зло, способно порождать не любовь, а сознание его обязательности и неизбежности, боязнь его нарушить, понимание необходимости соизмерять свои действия с правом. Право часто порицают, но при этом стремятся не отменить право вообще, а только заменить «плохое право» «хорошим правом»»¹²⁰.

Оставим без комментариев данные размышления, безусловно актуальные, особенно для современной России.

Действующее, применяемое право, с некоторой долей условности, напоминает действие полицейского на оживлённом перекрёстке, которого нет необходимости любить, и не только потому, что он иногда зажигает красный свет перед нашей машиной, но и по многим иным обстоятельствам, но его и нельзя низводить до статуса «досадной помехи» или абсолютно обесцененной неизбежности, жизненного неудобства.

Заключение

Право рационально, продуктивно, во многих случаях более продуктивно, чем административное управление или властный волюнтаризм. Если добавить к этому, что в сравнении с этими двумя наиболее массовыми моделями социальных регуляций право более стабильно, более открыто, с точки зрения его процедурности, то априори право содержит потенциал аксиологичности. Мера этой правовой аксиологичности предопределяется «добросовестностью водителя», уважающего «красный цвет», хотя бы за то, что он открывает дорогу другим участникам движения.

Подобное правовое регулирование социальных, жизненных потоков будет более качественным, более результативным, а значит, и более аксиологичным, если оно мотивировано конструктивными юридическими интересами, аксиологичными как для участников «перекрёстных социальных движений», так и для «регулирующего».

Правоприменительная заинтересованность возвышает её субъектов, усиливая их правовую субъектность, а значит, и авторитет права.

В современных правовых государствах, цивилизованных обществах проявляются тенденции как качественного улучшения правоприменительной практики, осуществляемой государством, его структурами, другими субъектами права, так и сокращения объектно-предметного поля правовых регуляций.

Но развитие данных тенденций во многом предопределяется уровнем нравственного, правового сознания населения, в том числе и правоприме-

¹²⁰ Лейст О. Э. Указ. соч. С. 111.

нителей, их правовой культурой и компетентностью, установками на максимально свободное саморегулируемое поведение.

Диалектический синтез юридических интересов и культуры реализации права – тот пока ещё слабо исследованный и явно недостаточно используемый социоправовой капитал, который способен придавать моделям и механизмам современного российского правового бытия адекватную предметность, рациональность, эффективность и гуманистическую направленность.

Культура реализации права и её роль
в гармонизации конструктивных интересов
субъектов юридических отношений

Анализ теоретико-методологических исследований

Редактор Нарбут В. В.
Корректор Романосова Т. Д.
Компьютерная вёрстка Дерр Л. А.

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Подписано в печать 19.10.2015
Формат 60x90/16. Печ. л. 5,0. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «ОСТ ПАК новые технологии»
125319, Москва, ул. Академика Ильюшина, д. 16, корп. 1